АНДРЕЙ

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ВОРОНИН

СЛЕПОЙ

ТОСТ ЗА ПОБЕДУ

Андрей Николаевич Воронин

Слепой. Тост за победу

Серия «Слепой»

Текст предоставлен издательством
Слепой. Тост за победу: Харвест; Минск; 2012
ISBN 978-985-18-3863-5

Аннотация

Глебу Сиверову, известному также в очень узких кругах как тайный агент ФСБ по кличке Слепой, скучать не приходится: он неустанно идет по следу крупного торговца оружием Фреда, но тот неизменно опережает его на один шаг. Похоже, проблема в утечке оперативной информации, допускаемой в самых верхах…

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	46
Глава 4	65
Глава 5	96
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Андрей Воронин
Слепой. Тост за победу

© Харвест, 2012

Глава 1

Нет на свете более угрюмых мест, чем побережье Аденского залива. Сильный ветер, низкие голые скалы, за ними – песчаные барханы… И вокруг ни души. Взгляду здесь просто не за что зацепиться. Волны, разбивающиеся о берег, только усиливают власть одиночества.

Но что это? Юркий катерок резво выскользнул из бухты и направился в открытое море. Семеро чернокожих пассажиров катерка молчали, вглядываясь в предзакатное небо и нежно поглаживая приклады своих АКМ. Могло показаться, что их лица выточены из эбенового дерева или из камня.

Катер миновал невысокую прибрежную скалу, в которой скрывался хорошо замаскированный форт. Его построили лет сто тому назад итальянцы, хозяйничавшие тогда на этих землях. Напротив, на том берегу залива, располагалась английская колония Аден, а от этих англичан можно было ждать чего угодно. Поэтому итальянские колониальные власти не пожалели сил и средств, чтобы выдолбить в глубине скалы целую крепость.

Потом итальянцы ушли, англичане тоже долго не задержались. В эпоху независимой республики Сомали форт пришел в полное запустение, и им завладели ящерицы и прочая местная живность.

Но республика Сомали тоже приказала долго жить. Меж-

доусобицы разорвали страну на мелкие клочки.

Форт оказался в независимом государстве Пунтленд. Государстве без казны и армии, зато с кучей амбициозных политиков. Вскоре после его образования в казематы вернулась жизнь.

Он снова превратился в настоящую крепость – не XX, а XXI века. Катакомбы начинили современной электроникой, а на вершину соседней скалы взгромоздили радиолокатор новейшего поколения – незаменимая вещь на случай внезапной атаки с воздуха.

Новые хозяева крепости предусмотрели и отпор возможной атаке с моря. На глубине в несколько десятков метров таились остатки танкера «Диана». Его затопили у входа в акваторию специально для того, чтобы ни одно большое судно не могло попасть в бухту.

Зато маленьким катерам такая преграда была не страшна. Они спокойно выплывали из бухты и через некоторое время возвращались – с добычей.

* * *

Жизнь на сухогрузе «Карина» текла своим чередом. Моряки сменяли друг друга на вахте, поочередно вглядываясь в однообразные морские пейзажи. Плаванье длилось двадцать шестой день и спустя неделю должно было закончиться. Члены команды уже предвкушали стоянку в кенийском порту

Момбасу.

– Это, конечно, не Рио-де-Жанейро, но… погулять мы там погуляем, – пробасил штурман Свердлов, прикуривая сигарету.

– Да хрен их знает, этих чумазых, – выдохнул порцию дыма матрос Карин. – Главное, заразы какой-нибудь не подцепить там.

– Да такого, как ты, никакая трасца не возьме, – подал голос его дружбан Демидович. Этот коренастый мужичок родом из глухой белорусской деревни уже успел объехать (или, вернее, «обплавать») почти весь мир.

Все дружно засмеялись.

Сухогруз «Карина» бороздил моря под панамским флагом, принадлежал датской компании и был зафрахтован индонезийской фирмой, которая занималась поставками в Кению запчастей для немецких тракторов. Все члены его команды были представителями трех братских славянских народов.

– Слушай, Паша, там этот салага на вахте, – вдруг спохватился штурман. – Сходи, может, глянь чего и как, а то как бы он чего не наворотил.

– Бу сде, – ответил Демидович. – Этот точно наворотить может.

После захода в Порт-Саид команда увеличилась на одного человека – некоего Ивана Дубичного. Кто он и откуда – никто не знал.

Датский шеф связался с капитаном «Карины» и приказал взять этого Дубичного на борт. Но не простым пассажиром, а новым членом команды. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но толку с этого Дубичного было мало. Вроде и не пацан уже, поздно в юнги идти, а элементарных вещей в морском деле не просекает.

– Дубичный и есть Дубичный, – поговаривали о нем опытные моряки. И не доверяли ему никаких важных заданий.

Демидович проворно взобрался на капитанский мостик, вспоминая про свою Светку, которая ждала его в родной деревне. Дубичный вежливо его поприветствовал, но ответного приветствия не дождался. Бывалые моряки с салагами не церемонятся.

Как выяснилось, штурман зря волновался. Дубичный Дубичным, но судно шло своим курсом – или, вернее, медленно ползло по нейтральным водам через Аденский залив.

Дубичный попытался завести разговор, однако Демидович не удостоил его своим вниманием, а закурил сигарету, вглядываясь в водную гладь.

«Приеду да хаты, адразу ж крышу перакрыю, – решил он. – Пока холода не навалились. Уберу шифер, а потом…»

Додумать он не успел. Цепкий взгляд моряка выхватил мелкую точку, нарушавшую однообразность пейзажа.

Точка стремительно увеличивалась, и Демидович метнулся к шкафчику, где лежали бинокли.

– Эй, Паша, что там? – спросил его новичок.

– Буев сто! – нервно ответил тот. – Мать твою, няужо и мы попали!

Когда-то, в своем далеком детстве, Паша Демидович запоем глотал книжки про пиратов. Перечитал про них все, что нашлось в их сельской библиотеке. Веселый Роджер, повязка на глазу, деревянная нога, попугай на плече, пиастры… И, разумеется, бочка рома.

Знал бы тогда этот паренек, что спустя много лет ему будет суждено встретить самых настоящих флибустьеров… Правда, без Веселого Роджера и деревянной ноги. Зато с «Калашниковыми» наперевес.

Конечно же, Демидовичу приходилось слышать о сомалийских пиратах. Но… ему, старому моряку, эти истории казались какими-то слишком уж неправдоподобными. Он просто не верил, что похожее может случиться и с ним. Тем более, что на дворе уже набирал силу XXI век.

Спустя считанные секунды на мостике собралась почти вся команда. Капитан Марлов пришел последним – он всего лишь полчаса назад отправился в свою каюту, чтобы немного вздремнуть перед ночной вахтой.

– Ну, моряки, что делать будем? – спросил штурман.

– Полный вперед! – тут же отдал приказ капитан. – Попытаемся оторваться.

Загудели турбины. Судно начало постепенно набирать скорость. Капитан стал у штурвала и засучил рукава.

– Держись, братва, сейчас веселуха начнется! – закричал штурман.

В тот же миг он свалился на палубу и, отчаянно матерясь, покатился по ней.

Корабль резко накренился влево. Это Марлов старался маневрировать, чтобы не дать пиратам подойти ближе.

Но неповоротливому сухогрузу было сложно удрать от маленького катера. Расстояние между ними стремительно сокращалось.

Когда члены команды уже могли разглядеть лица пиратов, наполовину спрятанные под платками, один из разбойников приставил к плечу короткую трубу. Через секунду на корме прогремел взрыв.

– Ребята, горим! – истошно завопил кто-то из моряков.

Экипаж ринулся тушить пожар, а в это время по высокому борту сухогруза уже проворно карабкались пираты.

Капитан понял, что, несмотря на разницу в весовой категории, исход этой схватки предрешен. У безоружных гражданских моряков не было ни единого шанса победить хорошо вооруженных морских разбойников.

* * *

Захват судна занял всего десять минут. Члены команды были людьми взрослыми и степенными, и поэтому обошлось без глупостей. Никто не пытался лезть с голыми руками на

автоматное дуло.

Всю команду пираты согнали в капитанскую каюту. Моряки уселись на полу, а в креслах удобно устроились два охранника с мрачными лицами.

Капитан окинул взглядом экипаж. Вроде, все на месте. Только этот загадочный новичок куда-то делся. Сердобольный Марлов поморщился: как бы с ним не случилось чего-то неладного.

Первые минуты после захвата судна – это как раз та пора, когда пираты хватают все, что плохо лежит. Сомалийцев особенно интересовала электроника. Еще бы – в их родных деревнях не у каждого есть телевизор, а у моряков можно запросто разжиться новеньким ноутбуком…

Вломившись в каюту штурмана, двое молодых пиратов занялись его чемоданом. Первая находка не заставила себя долго ждать: один из флибустьеров повертел в руке новенький смартфон, который Свердлов купил в подарок для сына.

Пользоваться такой игрушкой сомалиец не умел, да и толку от нее было мало – с мобильной связью в Пунтленде дела пока обстояли неважно, а точнее говоря – вообще никак. К тому же, у этого парня уже было дома с десяток разных навороченных девайсов – как-никак, далеко не первая вылазка…

Пират сунул добычу в карман и продолжил поиски. Его товарищ старался не отставать, почему и не услышал, как дверь в каюту с легким скрипом приоткрылась.

Один из захватчиков вдруг схватился за плечо. Ему по-

казалось, будто его укусил здоровенный комар. Пальцы нащупали в месте укуса маленький стеклянный предмет, торчащий из тела.

Пират хотел было вскрикнуть, но голос его не слушался, а в глазах вдруг потемнело.

Его коллега резко обернулся, вскидывая автомат. И увидел перед собой белого человека со странным оружием, похожим на миниатюрный арбалет.

Удар ручкой «арбалета» пришелся пирату прямо в висок, и он рухнул на пол как мешок с мукой.

В коридоре послышались голоса. Еще парочка флибустьеров спешила развить успех, вовсю хвастаясь добычей.

Когда пираты проходили мимо каюты, ее железная дверь резко распахнулась, чуть не сбив с ног одного из них. Удар под дых ребром ступни довершил начатое, сложив тощего сомалийца пополам.

У его приятеля было как минимум две секунды для того, чтобы среагировать. Возможно, исход поединка стал бы иным, если бы в его руке был снятый с предохранителя автомат, а не свежеукраденный из каюты Демидовича видеоплейер.

Дубичный не дал своему противнику возможности опомниться. Свалив его на пол ударом ноги с разворота, моряк тут же подпрыгнул и опустился на сомалийца всей своей массой. Бедняга жалобно застонал и затих.

– Это четвертый, – отметил про себя Дубичный, он же

Глеб Сиверов, он же тайный агент ФСБ по кличке Слепой. – Остались еще трое.

Он прислушался. Судя по всему, остальные пираты пока не заподозрили неладного. Один из них продолжал вышагивать по палубе, где его оставили нести караул.

Дубичный неслышно поднялся по трапу, осторожно выглянул на палубу… И – на тебе! Столкнулся с сомалийцем прямо нос к носу.

Пират поспешно вскинул свой «Калашников» и нажал на спуск. Пули полетела куда-то вверх, зацепив антенну. За долю секунды до этого Дубичный, оттолкнувшись обеими ногами от пола, набросился на африканца, как леопард.

Пират отчаянно сопротивлялся, но силы были неравными, как и подготовка противников. И спустя мгновение сомалиец уже смог оценить эффективность одного из самых болезненных удержаний в дзюдо.

Когда сопротивление противника было сломлено, Дубичный поднял его за шкирку и приказал:

– Let's go! Идем!

Ни английского, ни, разумеется, русского этот парень не понимал, но смысл приказа легко уловил.

Сомалиец послушно спустился по трапу, чувствуя, что ему в спину упирается какой-то железный предмет – видимо, дуло его же собственного АКМ. Моряк направил пирата налево, в сторону капитанской каюты, где томились заложники.

Придерживая пленника за ворот рубахи, Дубичный постучался в каюту дулом АКМ. Подпиравший дверь сомалиец обернулся, увидел через щель испуганное лицо соплеменника и одарил его недоуменным взглядом. Чего, мол, приперся? И открыл дверь нараспашку.

В этот момент Дубичный толкнул пленника, придав ему мощное ускорение. Тот рухнул на товарища, выбив у него из рук карабин.

Второй охранник секунду-другую пребывал в полной растерянности, пока на его голову не опустилось что-то тяжелое. Наверное, приклад автомата.

Непривычно толстый для голодающей страны пират понял, что опростоволосился, и попытался исправить положение, подхватив с пола упущенное оружие. Но когда он до него дотянулся, в его затылок уже упирался какой-то металлический предмет.

Пристально глядя на толстяка, Дубичный вдруг оторвал от пола правую ногу и резким ударом впечатал в стенку того пирата, который минутой назад был использован как таран.

– Мать твою, Ваня, ну ты и даешь! – воскликнул впечатленный Демидович.

Скованных наручниками пиратов заперли в одной из кают. Штурман был назначен главным тюремщиком. Кто-то из моряков хотел было как следует отвести на этих грабителях душу, но Дубичный его урезонил.

Затем он отправился в радиорубку, вышел в эфир и запел,

отчаянно стараясь не фальшивить:

– Love me tender, love me sweet, and never let me go…

Песню Элвиса Пресли внимательно слушали на американском авианосце «Тридент», курсировавшем в Индийском океане за 400 миль от сухогруза «Карина».

Через три с половиной минуты с борта авианосца поднялся вертолет «Блек Хоук», тут же взявший курс на сухогруз.

– Честно говоря, мне не нравится, что этой операцией будет руководить русский, – поделился своим мнением командир оперативной группы спецподразделения «Дельта», когда вертолет уже взмыл над морем.

– Но я слышал, что это очень опытный агент, – ответил пилот. – В России его считают одним из лучших.

– Как, ты говоришь, его зовут? Slepoy? А что это значит по-русски? Ты не в курсе?

Через полтора часа вертолет плавно опустился на палубу «Карины».

* * *

Дозорный на наблюдательном пункте бывшего итальянского форта поднес к глазам бинокль и вгляделся в плясавшую на волнах черную точку. «Похоже, это ребятки возвращаются с очередного дела», – подумал он.

И действительно, через окуляры можно было разглядеть пассажиров катера. Семеро из них были черными, восьмой –

белым.

«Интересно, чего это они так рано? – удивился дежурный. – И еще кого-то с собой тащат…»

Обычно пираты действовали по-другому. Они захватывали экипаж в заложники и хозяйничали на судне до тех пор, пока хозяин корабля не заплатит выкуп. Ждать, как правило, приходилось долго – неделями, а то и месяцами. Прижимистые владельцы судов неохотно расставались со своими денежками и торговались за каждую копейку.

Везти заложников на базу пиратам категорически запрещалось. За исключением, разве что, особенных случаев. К примеру, если к ним в лапы случайно попадал крутой бизнесмен, отправившийся на попутном танкере пострелять крупную дичь в Кению. За рядового моряка никто не даст десять миллионов долларов, а вот за голову такого господина его семейство согласится выложить даже больше.

«Наверное, это как раз такой случай», – с интересом подумал начальник охраны. И решил не докладывать командиру, пока не прояснятся все детали.

Катер беспрепятственно вошел в бухту. Перед ним, у самого берега, торчали из воды два огромных камня. Когда моторка уже готова была коснуться их носом, они вдруг раздвинулись – будто сами собой. Перед пассажирами катера открылась интересная картина – вход в небольшой потайной док, запрятанный в глубине скального массива.

У причала переминался с ноги на ногу охранник в шле-

панцах и с автоматом. Как только катер пришвартовался, сомалиец лениво двинулся в его сторону. В команде, которая отправилась на дело, у него было пару друзей, и ему не терпелось с ними потрепаться.

Командование «Дельты» проинструктировали заранее – в составе оперативной группы должны быть только негры, или, как их называют в США, афроамериканцы. И издалека никто не смог бы отличить этих ребят от их сомалийских сородичей.

Но, подойдя ближе, охранник взвизгнул от удивления – только теперь он разглядел, что шейные платки пассажиров катера скрывали совершенно незнакомые лица.

Он схватился за рацию, чтобы поднять тревогу, но «Моторола» выпала у него из рук. Долей секунды раньше чернокожий почувствовал легкий укол в груди. Долей секунды позже он уже осунулся на бетонный пол.

Пассажиры катера тут же выскочили на причал. Правая рука каждого из них лежала на спусковом крючке автомата. Началась зачистка территории. Белый «пленник» давал черным бойцам указания – каждому персонально.

Подготовкой «дельтовцев» Слепой остался недоволен. Добрые полминуты они тыкались туда-сюда по причалу как слепые котята, толком не понимая, что им надо делать, а потом засуетились, чтобы скрыть замешательство.

– Эй, придурок, что ты творишь? – Глеб больно схватил за плечо одного из коммандос. Парень зачем-то открыл люк,

ведущий на нижние этажи. – Тебя просил кто-то, а?

Для того чтобы создать шумовой фон, Слепой приказал завести и подержать на холостом ходу мотор катера, надеясь на то, что в доке неплохая акустика.

Услышав дикий рев, на причал выбежал рослый негр. Он отвечал на базе за технику, и такое небрежное обращение с плавсредством очень его возмутило.

– Вы что, совсем уже рехнулись! – набросился он на своих братьев по расе, закутанных в платки. – Сейчас же выключите мотор!

Те переглянулись между собой – местного наречия они, разумеется, не понимали. Через секунду злой негр уже валялся в отключке. Предыдущие пару мгновений отразились в его памяти как искры в глазах и острая вспышка боли.

Дежурные на наблюдательном пункте как раз собирались отправиться на обед. Их удалось застигнуть врасплох. Один из сомалийцев почти успел дотянуться до кнопки, включавшей сирену тревоги, но в этот момент в его плечо уже впилась ампула. Другие пираты даже не пытались оказать сопротивление. Какой-то великан, правда, очень долго не хотел вырубаться, даже после того как ему всандалили двойную дозу успокаивающего вещества.

Российское командование дало Слепому указание по возможности избегать безвозвратных потерь, и не только среди оперативной группы, но и среди самих пиратов. Особенно это касалось командования базой – верхушку было приказа-

но любой ценой взять живьем.

Поэтому группе захвата приходилось использовать гуманные методы. Но на того идиота, который выбежал навстречу коммандос, паля из «Калашникова», это, конечно, не распространялось. Его молниеносно уложили прицельными выстрелами сразу из нескольких стволов.

Еще один охранник, издалека завидев нападавших, тоже попытался открыть огонь. Но к тому времени американский снайпер уже занял огневую позицию на крыше сторожки. Глеб махнул рукой, и сомалиец рухнул как подкошенный.

Спустя четыре минуты верхний ярус крепости был более-менее зачищен. Еще во время высадки Слепой слышал какие-то голоса в глубине дока, но соваться туда сейчас не имело смысла – это было тратой драгоценного времени.

«Если что, снайпер обеспечит прикрытие, – решил Глеб. – Да и вряд ли они отважатся на контратаку».

Пора было переходить к самому главному этапу операции – захвату подземных уровней. А там уже наверняка услышали выстрелы и успели объявить тревогу.

Слепой едва заметно двинул рукой, и на лицах всех участников операции мигом появились противогазы. Сразу после этого в вентиляционную шахту полетели гранаты с усыпляющим газом.

Подземелья были оборудованы современной системой вентиляции. Именно на это и делался расчет при планировании операции. Умные машины должны были распростра-

нить отравленный воздух по всему зданию.

– Через пять минут начинаем штурм, – сообщил Глеб в микрофон своей гарнитуры.

– Можно перекурить? – спросил один из коммандос, снимая противогаз, видимо, решив, что здесь, наверху, предосторожности излишни.

– Нет, берегите легкие. Курение вредно, – ответил Слепой.

В этот момент американец почувствовал приятное головокружение. Он медленно повернулся по часовой оси, а его глаза будто сами собой закрылись.

– Вот придурок! – воскликнул Слепой по-русски. – Покурить ему захотелось…

И действительно, это было далеко не самое лучшее время для перекура. Нескольких молекул газа, которые просочились наверх через вентиляционное отверстие, было вполне достаточно для того, чтобы ненадолго вырубить рослого крепкого негра, сдуру снявшего свой противогаз.

Глеб решил, что этим курьезом все приключения и закончатся, но не тут-то было. Краем глаза он вдруг увидел, как что-то вылетело из люка, выходившего на причал. И тут же сообразил, что это не «что-то», а осколочная граната. Но бросавший немного переборщил с усилием – взрыв раздался уже в воде, рядом с катером.

Вслед за гранатой из люка выскочил очумевший сомалиец со слезящимися глазами. Что-то ему не спалось. В правой

руке парень держал целую связку гранат. Пальцы левой зацепились за их колечки.

У снайпера была всего секунда для того, чтобы сориентироваться в ситуации и выстрелить. Но он не сориентировался. К счастью, ладонь Глеба сжимала пистолет Стечкина.

Пистолетные пули прошили безумца как раз в тот момент, когда он уже собирался дернуть за все кольца сразу.

– Все, поехали, – приказал Слепой. И четыре человека из группы побежали к люку.

В отсеке коридора, ведущего на нижний ярус, группе захвата пришлось переступить через несколько неподвижных тел. Видимо, отряд охраны базы отважно ринулся на прорыв, но на всех бойцов, кроме одного, газ подействовал немного раньше, чем они успели выбраться наружу.

– Не отвлекаемся, ребята, не отвлекаемся! – скомандовал Глеб по радиосвязи.

Подсвечивая себе фонарями, они отправились исследовать подземную крепость. Длинный коридор, разбитый перегородками на несколько отсеков, казался совершенно необитаемым. И только на противоположном его конце горел свет.

Оперативный отряд продвигался медленно, перебежками, бойцы прикрывали друг друга, хотя, судя по всему, такая предосторожность была чрезмерной: газ действовал безотказно.

На пороге одного из помещений спал тучный сомалиец. Одной рукой он нежно обнимал трубку зенитного комплекса

«Стрела» – немного устаревшей, но все же неплохой модели. Судя по всему, в комнате располагался пиратский арсенал – сквозь приоткрытую железную дверь Слепой увидел ровные стеллажи с автоматами.

Затем по пути следования отряда нарисовалась кухня. Один из поваров уснул прямо в миске с салатом – как в старой советской присказке. Второй и вовсе валялся на полу.

Глеб отметил, что блюд на кухне было много. Значит, повара готовили какое-то застолье – видимо, по случаю визита важного гостя. Это открытие его очень обрадовало.

– Важные гости нам как раз и нужны, – промолвил он про себя.

Оставалось только найти их. Но это было делом времени. Во всяком случае, так казалось Слепому.

Сразу за кухней начинались апартаменты начальства: уютная спаленка, а рядом с ней – и рабочий кабинет.

– Здесь никого, – скорее жестами, чем словами пояснил один из коммандос, исследовав спальню.

Второй вернулся из кабинета и сообщил то же самое. Как будто бы командование базой растворилось в воздухе.

Глеб заскочил в кабинет, чтобы лично в этом удостовериться. Там царил сущий бедлам: обломки ноутбуков, обрывки бумаги, пепел… Слепой понял причину этой катавасии: беглецы тщательно скрывали следы, уничтожая улики.

Понять, каким образом главарям удалось улизнуть с подземной базы, тоже не составило большого труда. В углу ка-

бинета нашлась небольшая квадратная дверца, которую Глеб поначалу принял за дверцу обычного сейфа. Но задней стенки у этого сейфа не было.

– Двое добровольцев за мной, остальные – выносить тела, – приказал он «дельтовцам».

Но добровольцев не оказалось. Ни у кого из коммандос не возникло желания лезть в узкий каменный тоннель: ведь никому не известно, что ждет на другом его конце.

Слепой уже собрался отправляться в одиночку, но командир группы решил не позорить вооруженные силы США и все-таки вызвался добровольцем.

Коридор оказался довольно длинным и извилистым. В итоге он привел в небольшую подземную бухточку, где прожектор освещал крохотное озеро. Но у этого озера, похоже, не было дна.

Слепой сделал жест, требуя прикрытия, и осторожно выполз из тоннеля. Первое, что он увидел, был швартовый канат. Его конец оказался обрезанным.

«Похоже, они все предусмотрели, – подумал Глеб. – В том числе, и ма-а-ленькую подводную лодку на случай беды».

Угловым зрением он заметил какое-то шевеление рядом с причалом. Слепой чуть было не изрешетил это место пулями, но вовремя удержался.

На бетонном полу жалобно стонал щуплый сомалиец. Рядом с ним ширилась и без того огромная лужа крови, стекавшей из раны в боку.

Слепой приказал коммандос достать медпакет. Но спасать беднягу было уже поздно: по всему было видно, что ему оставалось жить не более, чем пару минут.

– Фред… – забормотал он по-английски. – Русский Фред… Он украл мою лодку… Он убил и бежал…

Каждое слово давалось ему с огромным трудом. И сил для того, чтобы закончить мысль, сомалийцу не хватило.

Но Слепой все понял. Чего уж тут было не понять? Главная цель операции благополучно улизнула прямо из-под носа.

Глава 2

Дышать в кабинете было уже нечем. От табачного дыма буквально щипало в глазах.

Потапчук вынул из пачки сигарету, задумчиво повертел ее между пальцев и сунул назад в пачку. Затем встал из-за стола и подошел к окну. Над Москвой висело огромное серое облако. Солнечные лучи застревали в нем, с трудом доходя до земли.

– Да, Федор Филиппович, это лето нам надолго запомнится, – невесело улыбнулся Сиверов, облокотившись о стол.

– Ладно, будет тебе, неженка, – Потапчук резким движением захлопнул окно. – Пережили лето горячее, переживем и дерьмо собачье.

– Так ведь еще не пережили, – не унимался Слепой.

Лето выдалось и вправду необычным. Термометр вот уже третью неделю зашкаливал за отметку тридцать. Москва потихоньку начинала плавиться, а долгожданная акклиматизация ее жителей все никак не наступала.

Сиверов только вчера вернулся из командировки в Сомали. И, спускаясь с трапа самолета, не почувствовал разницы климатических поясов. Температура за бортом в Москве и на Африканском Роге была практически одинаковой. Только воздух… воздух на пустынном морском побережье казался куда более свежим и чистым, чем в огромном городе.

Но это было еще полбеды. Выйдя из такси в центре города, Слепой чуть было не закашлялся.

Пока жители мегаполиса свыкались со зноем, на их головы обрушилась новая катастрофа. В подмосковных лесах полыхали пожары. Огромное облако смога грозно надвигалось на столицу. Сиверов застал этот процесс в самом разгаре.

– Ладно, дружище, хватит про погоду, – Потапчук вернулся к столу и попытался включить кондиционер. – Мы, старые бойцы невиданного фронта, и не такое терпели…

– Невидимого, вы хотели сказать? – зачем-то поправил его Глеб.

– Нет, именно невиданного. Вот же, елы-палы! Опять техника подводит!

Кондиционер наотрез отказывался запускаться. Тем временем температура в комнате начала стремительно приближаться к критической.

Но собеседники решили терпеть все невзгоды, то и дело вытирая носовыми платками взмокшие лбы. Они и действительно встретились здесь вовсе не для того, чтобы обсуждать природные явления.

– Глеб, значит ты уверен, что утечки информации не было? – вновь спросил Потапчук.

– С нашей стороны и быть не могло. Об операции в Москве знали только два человека – вы и я.

– А что насчет американцев?

– Тоже крайне сомнительно. Операция разворачивалась

поэтапно, как мы и планировали. То есть ни один американец не знал, какой приказ я ему отдам через минуту.

– А что насчет координат базы? – осведомился генерал. – Может, они получили их… слишком рано?

– Исключено, – покачал головой Глеб.

И генерал ему поверил: этот сотрудник заслуживал доверия.

Операция по захвату базы планировалась в условиях строжайшей секретности. Потапчук подробно проинструктировал Глеба о том, какие сведения и в какой момент ему можно сообщать американским партнерам.

И никто из американцев не знал о том, что целью операции была не только ликвидация базы пиратов, но и поимка конкретного человека.

Еще в начале года одно из спецподразделений ФСБ смогло выйти на след крупного торговца оружием. Этот субъект появился на «рынке смерти» сравнительно недавно, но уже успел оттяпать приличный его кусок, успешно сохраняя при этом инкогнито.

Он специализировался на поставках вооружения сущим отморозкам. Два года назад этот тип заключил крупную сделку с «Тиграми освобождения Тамил-Илама». Но доставить танки на Шри-Ланку он так и не успел: как раз к тому времени местные власти перебили всех этих полосатых хищников, включая их лидера Прабхакарана.

В личном бункере главаря, скрытом в глубине джунглей,

была обнаружена бутылка «Советского шампанского» в подарочной упаковке. Судя по всему – своего рода протокольный сувенир, который Пхабхакарану вручил дорогой гость при заключении сделки.

Спустя год те же самые бронемашины обнаружились в Кот-д'Ивуаре. А не так давно и сомалийские пираты как следует отоварились. К ним ушли два катера типа «Комар», двадцать ПЗРК «Стрела», с полсотни гранатометов и куча мелочи.

Обо всех этих сделках на Лубянке узнавали постфактум. Как будто тот загадочный тип неустанно водил их за нос: «Эй, чекисты, плохо работаете…»

Чуть ли не во всех горячих точках мира рано или поздно находили оружие советского производства. В России оно значилось как списанное и утилизированное, а на деле – поражало живые мишени где-то в Африке или Латинской Америке.

Сложная схема поставок работала как часы, никогда не давая сбоев. Было очевидно, что ее создал профессионал.

Долгое время все попытки выйти на след этого человека были безуспешными. И когда Потапчук получил агентурную информацию о том, что он должен появиться на одной из пиратских баз в Сомали для заключения очередной сделки, то решил действовать без промедления.

И на тебе – такой облом!

– Но насчет козней американцев… Эта версия, в принци-

пе, заслуживает рассмотрения, – промолвил Глеб, выкурив в молчании сигарету. – Особенно если здесь мы наткнулись на какие-то их интересы.

Генерал укоризненно посмотрел на него. Так обычно смотрят на мальчика, который вдруг ляпнул несусветную глупость.

– Дорогой Глебушка, если бы в этом деле были какие-то их интересы, то там не было бы никаких американцев. Даже и близко бы не было, – объяснил Потапчук. – Эта операция стала международной только потому, что никаких особых интересов у наших лучших друзей-недругов там не могло быть в принципе.

– То есть они вполне совпадали с нашими?

– Вот именно. Ну зачем им эти недоумки-пираты? Для их геополитической модели толку от них никакого, один только вред. Как, кстати, и от парней вроде этого…

– Фреда?

– Да, именно. Кстати, хоть какой, а результат. Теперь мы знаем, что нашего друга зовут Фред, – грустно произнес Потапчук. – Раньше мы не знали даже такой мелочи.

И это была правда.

– А что толку? – спросил Слепой. – Или, может, Фред – это фигура известная?

– Да нет, мы уже пробивали его профиль по всевозможным базам. Нигде он раньше не засветился. В том числе и среди завсегдатаев на рынке.

– Но ведь ниша это специфическая, здесь новые игроки возникают не так и часто…

– В том-то и дело! – охотно согласился генерал. – А этот новичок навязал очень крутую игру. И откуда он вообще взялся? Вот вопрос.

– Ну так ведь не бывает, – не унимался Сиверов. – У них же все как и у нас в плане служебной лестницы. Сначала солдат, потом офицер, потом генерал. А сразу чтобы в генералы выбиться…

– Всякое бывает, – пожал плечами Потапчук. – Это особый случай. Весьма особый…

Тем временем кабинет генерала стремительно накалялся. В прямом смысле слова. Закупоренное помещение было чем-то сродни русской бане.

– Ладно, Глеб, отдыхай пока, – промолвил Потапчук, в очередной раз вытирая пот с лица. – Попробуем снова выйти на этого Фреда, и тогда…

– То есть пока никаких зацепок?

– Да, дружище, увы – сплошные отцепки. Ну да ладно, это все фигня. По сравнению с тем, что у меня кондишн не работает.

Сиверов улыбнулся. Еще пару минут назад шеф говорил совсем о другом. Но его молодецкой удали хватило ненадолго.

– Ну все, Глеб, до встречи, – продолжил Потапчук. – До скорой встречи, так что не расслабляйся. А я пока займусь

этой железной штукой, чудом техники, япона мать! Завхоза вызвать, что ли?

Генерал тут же набрал нужный номер на диске внутреннего телефона.

Сиверов пожал ему руку и вышел из кабинета. На другом конце коридора он чуть было не столкнулся с человечком, бодро шагавшим в противоположную сторону.

– Здорово, Никитыч, – поприветствовал его Глеб. – К Потапчуку бежишь?

– Так точно! – радостно подтвердил Никитыч. – Позвонил мне, говорит, у него там проблема…

– Да, чуть не сварился бедняга! – улыбнулся Слепой. – Кондишн у него навернулся. А в наши дни это очень серьезно и чревато.

– Ну да, – односложно ответил завхоз.

Сегодня он выглядел каким-то испуганным.

Впрочем, он почти всегда так выглядел. Как будто школьник, который не выучил урок и боится, что его вызовут к доске.

Никитыч появился у них примерно два года назад. Сиверов слышал, что когда-то он тоже был сотрудником особых органов, но потом то ли где-то засыпался, то ли на чем-то проштрафился… А тут как раз был нужен завхоз в здание. И не брать же сюда людей со стороны! Вот Никитыч и сгодился в такой роли.

Роста он был небольшенького, одевался всегда серо и

неприметно. Такую же серую и неприметную физиономию украшали усы. То есть у него был вид типичного работяги из Подмосковья.

Никитыч продолжил свой путь и вскоре оказался у двери, ведущей в кабинет Потапчука. Робко постучал, затем вошел.

– И чего тебя в пятницу не было? – вместо приветствия спросил его генерал.

– Так, Федор Филиппович… – запнулся тот. – Я ж отгул брал за майские. Надо было к теще в деревню съездить, там у нее крыша…

– Поехала?

– Ну, это… протекает немножко. Я пару листов шифера поменял, так, вроде, до осени должна продержаться. А там уже надо будет делать что-то посерьезнее.

– Крыша, брат, это дело важное, – Потапчуку снова пришлось вытирать пот с лица. – Слушай, у меня тут проблемка одна возникла. Может, выручишь, а?

Завхоз тут же бросился разбираться с кондиционером. Потапчук с удовольствием наблюдал за его суетой. Это был хороший способ отвлечься от долгих и тягостных раздумий.

* * *

Выйдя на улицу, Глеб тут же закашлялся. Он уже успел привыкнуть к свежему морскому воздуху, и в центре Москвы чувствовал себя не в своей тарелке.

Спасение удалось найти в ближайшей кафешке с хорошим кондиционером. Вяло кивнув в ответ на вымученную улыбку официантки, Сиверов направился в уборную и подставил голову под струю холодной воды. Ему тут же стало намного лучше.

Потягивая ледяной фреш, он старался не думать ни о чем серьезном. Надо было дать себе отдохнуть – благо для этого представилась кое-какая возможность. Но следовало спешить – рассчитывать на продолжительные каникулы никак не приходилось.

Однако расслабиться и отрешиться от всех проблем мешал телевизор. К тому же наступило время новостей, и глуповатый ведущий какого-то семейного шоу сменился на говорящую голову диктора.

В новостях сообщили о смелой операции американского спецназа по захвату базы пиратов в Аденском заливе. Глеб с удовольствием разглядывал на экране знакомые места.

Далее речь зашла об арабском государстве Такар. Местным жителям, судя по всему, сильно надоел тамошний диктатор Аль-Самоди, который правил страной уже больше сорока лет.

– Первые стихийные акции протеста были жестоко подавлены полицией, – сообщила голова. – Только за последнюю неделю в Такаре было убито не менее 150 человек. Но решить проблему таким образом официальным властям, похоже, не удастся. Волнения постепенно перерастают в восста-

ние.

«М-да, в мире вот-вот станет на еще одну горячую точку больше, – подумал Глеб. – Хотя таких, как Фред, эта новость обрадует. Кому война, а кому мать родна, как говорится…»

– Тем временем смог над Москвой продолжает сгущаться, – перешел диктор к теме, которая здесь и сейчас казалась куда более актуальной. – Сегодня большинство детских садов столицы закрыли, а в аэропортах отменили многие рейсы. Количество москвичей, вынужденных обратиться за медицинской помощью, за последние сутки увеличилось на 20 процентов. Как бороться с этим стихийным бедствием? Ученые пока лишь разводят руками. А вот у экстрасенсов ответ уже готов. Тему продолжит Сергей Иволгин.

Глеб отвернулся от экрана и принялся изучать узоры на занавеске. Но спустя пару секунд его взгляд снова, словно магнитом, притянуло к телевизору. Так уж всегда получается – если «окно в мир» открыто, оторваться от него невозможно.

Оператор выделил крупным планом карту Москвы. Над ней водил руками пухлый человек с гусарскими усиками. Сиверов принял его за свадебного тамаду из не самого дорогого агентства развлечений. Но, как объявил автор сюжета, на самом деле этот мужчина владеет тайными знаниями о мироздании. И, более того, умеет применять их на практике.

– Как-то меня попросили заштопать озоновую дыру, – сказал мужчина с усиками. – Конечно, я понимаю, что для

человечества это большая проблема. Но моего энергетического потенциала вполне достаточно для такой работы. Я перекрыл потоки с Альфа-Центавра, уменьшил плотность энергетического поля и магнетически перенастроил конвергентность некоторых созвездий. Результат не заставил себя ждать. Уже через неделю озоновая дыра сократилась более чем вдвое. А ведь упусти я момент, наша планета могла бы погибнуть.

Глеб весело улыбнулся – в первый раз за весь этот день, а то и за всю неделю. Ему редко приходилось слышать такой изумительный бред. И он очень удивился тому, что дамы, сидевшие за соседним столиком, приняли слова экстрасенса за чистую монету.

– Это Иван Правдин! – с восхищением воскликнула одна из них. – Великий человек, пришедший к нам из Космоса. Он не только озоновую дыру заштопал, он еще и остановил цунами на Черном море. Если б не сила его поля, Крым давно бы накрыло волнами. А у меня же там дача…

– Слушай, Илона, а со смогом он не сможет справиться? – с надеждой поинтересовалась подруга. – А то уже надоело… Мне вчера пришлось отказаться от конного выезда.

– Да ему это раз плюнуть, ты что! Смог – это же даже не цунами!

Слепой слегка повернул голову, чтобы глянуть на этих дамочек. Судя по всему, обе они принадлежали к той категории, которую принято называть «бизнес-леди». Об этом сви-

детельствовали их строгие деловые костюмы, купленные явно в бутиках, дорогие часики, качество макияжа на лице…

«Вроде серьезные люди, а верят во всякую чепуху», – удивился Глеб.

Тем временем Правдин уже объяснял, откуда на Москву обрушилась такая напасть:

– Смог не зря имеет один корень со словом «мочь». Это значит, что они смогли. Смогли устроить нам эту ловушку. Многие говорят о том, что причина дыма – лесные пожары. Но это неправда. Пожары только добавляют дыма в огонь. Я говорю про огонь той ненависти к великой расе руссов, которую питают враги рода человеческого из племени черных хазар. Это их негативная энергия смогла материализоваться и отравить наш воздух.

Сиверова не удивило появление в эфире такого сюжета. Когда власти бессильны, когда они не могут решить проблему, остается одно – дурить народу голову.

«Но не до такой же степени! – про себя возмутился он. – По этому парню психушка плачет, а его по телеку на всю страну показывают».

Дамы смотрели в экран телевизора не отрываясь. Они даже позабыли про свое капуччино. А Правдин продолжал вещать:

– Я давно говорил о том, что ментальное поле Москвы требует серьезной очистки. Ведь именно здесь находится биоэнергетический центр Вселенной, примитивно описан-

ный как библейский Рай. И неудивительно, что враги пытаются ударить именно сюда, в самое сердце. Но они просчитались! В поединок с ними вступит такой непобедимый противник, как я. И если уж силой мысли мне удалось остановить немецкие танки в 1941 году, то этот дым… Как поется в народной песне, я тучи разведу руками.

Интервью перемежевывалось какими-то невнятными «лайфами». Правдин то ходил по улице, то водил руками по карте Москвы, то делал некие странные движения головой, стоя на Красной площади…

– Так что пусть не беспокоятся жители нашей любимой Москвы, – продолжил Правдин. – Я уже накапливаю в этом направлении космическую энергию, и когда ее соберется достаточное количество, смог развеется сам собой.

– И когда же это случится? – тут же спросил журналист.

– Враг рассчитывал, что дым продержится над городом не меньше года…

Слепой услышал, как охнула одна из дамочек за соседним столиком.

– И тогда столица мира просто опустеет – жизнь в ней и в самом деле была бы невозможной, – продолжал Правдин. – Но, как говорится, не тут-то было! Где-то в двадцатых числах августа жители Москвы проснутся и увидят, что смога уже нет. Моих энергетических способностей для этого достаточно. Постараюсь даже и раньше справиться, но что-то конкретное обещать пока не могу.

Сюжет продолжался, но Глеб больше диктора не слушал. Зачем засорять голову всяческой ерундой? Мозг – это ведь не помойка. Человеку он нужен для другого.

Слепой попросил официанта уменьшить звук в телевизоре, заказал кофе, закурил уже не первую за этот день сигарету и пустился в раздумья.

Он снова и снова возвращался к недавней операции, «прокручивая» позавчерашние события как бы в замедленном воспроизведении. Глебу очень хотелось понять, на какой стадии случился прокол.

Успеха эта затея не принесла, хотя он перебрал все мыслимые и немыслимые варианты.

Было очевидно, что Фред улизнул из форта за считанные минуты до начала его штурма. Узнать об операции он мог только из переговоров Сиверова с Москвой. Но для перехвата шифрованных сообщений требовались серьезные технические средства. И, разумеется, нужен был ключ от шифра.

Слепой понимал, что сомалийские пираты – это уже не те дикари, какими они были еще каких-то лет десять назад. Но он сомневался в том, что в их ряды затесались контрразведчики высшего пилотажа.

Когда думать о грустном Глебу надоело, он расплатился с официантом и без особого желания вышел на улицу. Как ему показалось, смог немного развеялся. Но дышать все равно было тяжело.

Путь к стоянке шел мимо станции метро. Небольшая пло-

щадка перед ней была наполовину перегорожена строительным забором. На бетоне то и дело попадались афиши с чьим-то портретом. Невольно приглядевшись, Глеб сделал зарубку в памяти, что где-то уже видел этого мужика с гусарскими усиками.

Отгороженный забором пятачок полностью заполняла людская масса. Слепой насилу из нее выбрался, пройдя насквозь. Настроение от этого испытания, конечно же, не улучшилось. А тут и очередной Правдин – на сей раз прямо на столбе, где афиши клеить запрещено.

– Молодой человек, что-то вы неважно выглядите!

– Ч-что-что? – переспросил Слепой, вздрогнув от неожиданности.

Перед ним, откуда ни возьмись, возникла пожилая женщина в старомодном платьице из ситца.

– Судя по вашему взгляду, вам необходима срочная очистка биополя, – сообщила она. – А то оно у вас совсем загрязнилось.

– Биополе… Ах, да… – рассеянно промолвил Сиверов. – Приду домой – и сразу возьмусь за щетку.

Грубить этой интеллигентного вида сумасшедшей совесть ему не позволяла.

– Ничего, думаю, ускоренный курс вам поможет, – бодро продолжала дамочка. – Иван Правдин исправит положение. Приходите во вторник, чтобы записаться. Вот адрес.

В руке Сиверова оказался листочек мелованной бумаги с

уже знакомым ему портретом.

– А если вам нужна еще и корректировка кармы, тоже милости просим, – добавила женщина. – Но это уже по средам, в семь вечера. А то я сразу заметила, что ваша сущность под угрозой. И пора избавляться вам от этих внутренних могикан. А то…

– Простите, но никаких могикан у меня не водится, – прервал ее Глеб. – Есть только ацтеки и майя. А также поляне, готы и южноафриканские пигмеи.

Слепой сразу же понял, что шутка была неудачной. Потому что тетушка не поняла, что это шутка.

– А вы знаете, что в пещерах майя были обнаружены надписи на древнерусском языке? – зарядила она. – Еще тринадцать тысяч лет назад, до первой ядерной войны, руссы владели миром…

– Простите, я очень спешу, – Глеб попытался вырваться.

Но не тут-то было. Схватив его за рукав рубашки и глядя прямо в глаза, женщина продолжала:

– Руссы – посланцы великих планет – основали цивилизацию на земле. Это они построили пирамиды, от них пошла китайская культура и Древняя Греция. Но черный Тартар захватил над нею власть. И длилась она больше двух тысяч лет, пока не произошла великая реинкарнация и очеловеченный бог русских Радомир (Христос, кстати, тоже одна из его инкарнаций) снова не воплотился на нашей земле.

– На этой торжественной ноте я хотел бы откланяться, –

Слепой все еще держал себя в руках. Хотя уже и с трудом. – Спешу!

– И теперь мы вернем себе нашу законную власть над Вселенной. Ведь у нас есть Великий Учитель – Иван Викторович Правдин. И пусть враги трепещут…

Договорить она не успела. Глеб осторожно оттеснил даму в сторонку и юркнул в узкую лазейку, образовавшуюся в плотной толпе.

– А Сталин был наследником великого Чингисхана… – неслось ему вслед.

Тетушка попыталась было догнать беглеца, но не тут-то было. Людская масса сомкнула ряды. По случаю прибытия очередной электрички метро на пятачке стало многолюдно до невыносимости.

«Хрен знает что! – думал Сиверов, бодро шагая к своей машине и ежеминутно вытирая пот. – Радомир, инкарнация, биополе… Какая-то дикая смесь бульдога с носорогом. Коктейль из простокваши с виски».

Он твердо решил больше об этом не думать. И сейчас же отправиться домой. Плотно закрыть все окна, включить кондиционер, хорошенько выспаться, принять ванну… И ни в коем случае не прикасаться даже к пульту от телевизора.

– В конце концов, я заслужил сегодняшний выходной, – оправдывал он свое поведение. – Не даром ведь говорят: как отдохнешь, так и поработаешь…

В салоне автомобиля температура уже была критической.

Но кондиционер, к счастью, отлично справлялся со своими обязанностями. В отличие от дохлого потапчуковского.

Когда машина выезжала из подворотни, навстречу ей вдруг откуда ни возьмись выскочил немолодой мужчина в белой бейсболке. Глеб резко ударил по тормозам, и пешеход отделался легким испугом.

– Наверное, иностранец, – подумал Слепой. И, между прочим, не ошибся.

* * *

Джон Кистофф продолжил движение в направлении Тверской. Смог давал о себе знать, и для того чтобы не зайтись в кашле, приходилось прикрывать лицо платком.

Американец очень жалел, что ему пришлось покинуть уютное кафе «Мой лондонский дедушка». Там было тихо, спокойно, работал кондиционер.

– Да, тридцать лет назад в Москве таких кафешек не было, – отметил он, ускоряя шаг, чтобы не опоздать на встречу.

Действительно, за последние тридцать лет жизнь Белокаменной сильно изменилась. Прямо и не узнать! И несмотря на докучливую суету, да еще и на этот смог, город произвел на Джона самое лучшее впечатление. Не то что в прошлый раз.

В прошлый раз Москва ему, мягко говоря, не глянулась. Именно поэтому Кистофф долго не хотел сюда возвращать-

ся. И если бы не дела, которые требовали его личного участия, никогда бы не отважился на эту поездку. Слишком уж неприятные воспоминания были связаны у него с этим городом.

Двадцатисемилетний Джон приехал в Москву на Олимпиаду. В его кармане было удостоверение спортивного комментатора небольшой газеты из Аризоны, симпатизировавшей социалистическим идеям.

Это было его первое серьезное задание. В силу своей молодости он надеялся одним глотком выпить море и одним махом свернуть гору или, по меньшей мере, перехватить коды шифрования для советского атомохода «Акула».

В первый же день своего пребывания в Москве Джон сделал вид, что переусердствовал во время банкета и заперся в своем интуристовском номере, отказавшись от посещения Большого театра.

Когда другие представители иностранного пресс-корпуса отправились слушать оперу, из номера Джона вышел усатый морщинистый господин в сером плаще и с большим дипломатом – типичный советский инженер. Он спустился на первый этаж, прокрался через холл и выбрался на улицу. Сел в трамвай, проехал пару остановок, переместился в метро. Затем едва втиснулся в переполненный троллейбус и вскоре вывалился из перекошенных дверей на остановке под названием «Второй Пролетарский переулок».

Именно этот переулок ему и был нужен. Здесь, в некази-

стом двухэтажном домишке под номером 9, жил некто Сергей Павлович Викин. С восьми утра до шести вечера он прилежно трудился в пожарном депо, а вот время с шести до восьми уделял своему хобби – сбору всяческой полезной информации о новинках советского военпрома.

У Викина была целая сеть агентов, были и свои методы. Многие тайны государственной важности удавалось узнать, проставив нужному человеку пару рюмок коньяку.

Джон вошел в грязный подъезд дома № 9, кивнул бабушке, тащившей в свою квартиру мешок картошки, и бодро поднялся по лестнице. Позвонил в дверь.

Ему открыл немолодой мужичонка в халате. Джон негромко произнес пароль, назубок выученный еще в самолете:

– Валентин просил передать, что меховую шапку ему купить не удалось, а старую съела моль.

Джон даже не старался скрыть акцента. Он считал, что это было ни к чему. Мужичок посмотрел на него странным взглядом, пригласил на кухню, угостил чаем. И тут же вышел, чтобы куда-то позвонить.

Кистофф прекрасно запомнил лицо советского агента, который ворвался в квартиру и свалил его на пол ловким броском. Такой совсем еще молодой, чернявенький… знать бы только, как его зовут, чтобы сейчас можно было свести счеты. Если он, конечно, еще жив.

О причине прокола Джон узнал позже. Уже после того как

он, проведя месяц на Лубянке, был с позором депортирован из страны победившего социализма. Ребята из аналитического отдела ЦРУ все же рассказали ему по секрету, почему так случилось.

Оказывается, ровно за месяц до приезда Джона Второй Пролетарский переулок был переименован в Третий, а Третий – во Второй. В чью умную голову пришла такая идея, оставалось только догадываться. Как и о целях такого переименования. Но в итоге советской контрразведке удалось поймать на одного шпиона больше.

Сегодня, шагая по Тверской, Кистофф вспоминал эту историю как анекдот. Тогда же ему было совсем не до смеха.

Молодого агента, который начал свою карьеру с такого глупого прокола, вышвырнули из конторы как плешивого кота. В зубах у него был волчий билет, и трудоустроиться по специальности не оставалось ни единого шанса.

Тогда Джон впал в глубокую депрессию. Полгода пил, полгода лечился от алкоголизма… Но потом все же смог взять себя в руки.

И сегодня он об этих перипетиях уже не жалел. Тем более, ему удалось найти неплохую возможность использовать навыки и знания, полученные в разведшколе.

Глава 3

Немного не доходя до Белорусского вокзала, Кистофф свернул на небольшую улочку, сплошь заставленную машинами. Между неровных рядов внедорожников медленно прокладывала себе путь видавшая виды «Лада».

Когда машина поравнялась с ним, ее водитель приспустил боковое стекло.

– Простите, не подскажете, где улица Ярослава Гашека? – спросил этот усатый гражданин в застиранной майке.

– Вам повезло, мне как раз туда, – медленно произнес Джон, с трудом подбирая русские слова.

Все-таки за эти десятилетия язык он успел подзабыть. С русскими приходилось работать крайне редко – во всяком случае, до последнего времени.

– Может, вас подвезти? – добродушно предложил водила. – Заодно и дорогу покажете.

– Почему бы и нет! – воскликнул Кистофф. – С удовольствием.

Машина медленно набрала скорость. До улицы Гашека от этого места было рукой подать, однако «Лада» проскочила ее насквозь и продолжила путь в сторону Садового кольца, где вскоре наглухо застряла в одной из московских пробок.

Джон высоко оценил сноровку организаторов этой встречи. Более конспиративного места, чем машина с закрытыми

окнами, битый час торчащая посреди шумной пробки, было не найти. Главное, что никто ничего не заподозрит. Да и если бы за ними двигалась машина слежения, она отклеилась бы на первом же светофоре.

Единственное что… в машине было очень жарко. Просто невыносимо! А кондиционер в советских моделях не предусмотрен. Но ее водителя такие неудобства, похоже, совсем не беспокоили. Вот что значит настоящий профессионализм!

* * *

Ситцевое платьице промокло уже до основания. Ивановна попыталась было включить ментальный экран, способный защитить и от смога, и от палящего солнца, но потерпела неудачу.

– Надо бы подзарядить внутренние аккумуляторы, – решила она. – Вроде на той неделе заряжала, а уже сели. Или ладно – дождусь пенсии, и тогда заряжусь как следует.

На экстрасенсорные услуги ее скромных финансов хватало далеко не всегда. Даже учитывая то, что ей они предоставлялись с тридцатипроцентной скидкой – как члену Всероссийского общества «Новые руссы».

Правда, взамен за скидки от членов общества требовали множество мелких услуг. Например, приводить за руку новых членов из числа своих доверчивых знакомых. Или ловить зевак на улице, или раздавать прохожим листовки. Но

такие обязанности Елене Ивановне не были в тягость.

Ради распространения вести о Великом Учителе она была готова и мерзнуть, и мокнуть, и потеть – как, например, сегодня. И когда злые московские прохожие называли ее дурой или материли, она не сильно переживала. Чего еще следует ожидать от существ низшей расы, чьи наглухо задраенные чакры не позволяют им слышать голос Космоса?

Закончив «ловлю душ», Елена Ивановна направилась в глубь земли. На эскалаторе ее окружали хмурые нервные лица: жизнь в Москве и без того спокойной не назовешь, а тут еще эта жара, да в придачу и смог… Люди думали о том, что рабочая неделя вот-вот закончится и можно будет хоть ненадолго вырваться из этого каменного мешка – на дачку там или на рыбалку.

Елена Ивановна думала о другом. Она чувствовала, что погружается в хтонические миры, и боялась, что ментальный экран уже неспособен защитить ее от духов среднего уровня, которых немало развелось за последнее время в московском метрополитене.

Как утверждал Иван Правдин, под землей эти духи чувствуют себя намного увереннее. Впрочем, в тот день это касалось и людей. Они тоже чувствовали себя увереннее под землей. Вездесущий смог стал постепенно проникать уже и сюда, но хоть жары не было такой, как на улице.

Ожидая поезда, Елена Ивановна воспользовалась некоторыми дополнительными средствами ментальной защиты.

Встреча с полуживотными-полулюдьми ей никак не улыбалась.

Мимо проскользнуло какое-то странное существо неопределенного биологического вида. Из его лысой головы торчали острые оранжевые пирамиды, все лицо было почти равномерно покрыто железяками, а в ушах образовались дырки, в которые можно легко просунуть палец.

Елена Ивановна с опаской глянула на это существо и в ужасе отвела глаза.

Тут как раз подъехал спасительный поезд. Елена Ивановна заскочила в один из вагонов и обнаружила, что существо последовало за ней. Оно держало возле уха трубку и говорило юным мужским голосом:

– Да, буду в офисе через полчасика… Встретимся вечером, на вечеринку к DJ Троллю сходим… Ну все, пока, а то я в метро, и сейчас отрубит…

Елена Ивановна стала медленно продвигаться вглубь вагона. Но вдруг, обернувшись, поймала взгляд повернувшейся к ней крашеной блондинки. И этот взгляд показался ей необычным – прямо-таки хищническим.

«Это точно энергетическая вампирша, – подумала Елена Ивановна. – Прав наш Учитель, нигде спасу от них нету. На каждом углу подстерегают».

Елена Ивановна усилила свой ментальный экран, задействовав последние ресурсы защитной энергии цинь-ра. Теперь никакие энергетические атаки были ей не страшны,

и она победоносно посмотрела сверху вниз на девушку. Та неспеша положила в сумочку модный журнал и раздраженно произнесла:

– Да выхожу я, выхожу, дайте приехать сначала. Куда вы так спешите?

Наконец поезд прибыл на ее родную станцию Теплый Стан. Ни один из подземных демонов не успел за это время навредить Елене Ивановне. И все благодаря тому, что она четко следовала инструкциям, которые давал на этот счет Великий Учитель.

По дороге домой Елена Ивановна зашла на маленький рыночек у остановки. Как человек, еще не достигший развоплощения духа, она испытывала некоторые потребности в том процессе, который учитель называл не иначе как «вбрасывание внутрь низких материй». Правда, не особенно им увлекалась. Тем более, этого не позволяла ее скромная пенсия.

Елена Ивановна долго допытывалась у толстой, вульгарно накрашенной продавщицы, не является ли предлагаемая ей морковка генетически модифицированной.

– А то Великий Учитель Иван Правдин говорит о том, что темные хазары изменили биологические коды растений, – объяснила женщина. – И теперь можно потерять свою светлую идентичность…

Продавщица пожала плечами. Ей было наплевать и на генетические коды, и на хазар, и на великих учителей. Она

не знала, что такое генетически модифицированная морковка. По ее мнению, морковь, как и все прочие овощи, могла быть лишь свежей, подгнившей и совсем гнилой. Если эти виды перемешать в нужной пропорции, то можно сорвать неплохой куш. Главное, особенно не наглеть, а то не избежать скандала.

И поэтому из пяти морковок, купленных Еленой Ивановной, три были почти идеальными, одна – подгнившей и еще одна – совсем гнилой. Сама Елена Ивановна всего этого, разумеется, не заметила, потому что слишком увлеклась рассказом про темных хазаров.

С помидорами женщине повезло еще меньше. Наглый кавказец втюхал ей два прогнивших томата из трех – то есть, нарушив все мыслимые и немыслимые пропорции.

Думая о своем, она не уделила этому прискорбному факту никакого внимания, хотя разбиралась в морковке и помидорах куда лучше, чем продавщица Катя с ее неоконченным средним образованием, и, тем более, продавец Ашот, который и читал-то с трудом.

Елена Ивановна могла детально описать процесс гниения овощей с помощью химических формул. Более того – она даже защитила кандидатскую диссертацию на эту тему. Написала и докторскую, но защитить ее ей так и не удалось. В ее лаборатории уже был один доктор, и он метко отстреливал конкурентов еще на подлете.

Елена Ивановна стала жертвой обычных в академической

среде интриг. И ее многочасовые наблюдения за процессом гниения различных овощей и фруктов пошли коту под хвост.

Так потерпели крушение все ее жизненные планы. Но еще большее потрясение она испытала в эпоху смены вех. То есть в те годы, когда вчерашние двоечники и пэтэушники становились хозяевами жизни, а вчерашняя интеллигенция устраивалась к ним уборщицами и нянечками, чтобы хоть как-то выжить. Елена Ивановна так и не смогла сориентироваться и освоиться в новых реалиях.

В свое время ее профессия считалась суперпрестижной. На московский биофак стремились юные дарования из всего Союза. Елена Ивановна готовилась к поступлению два года. И поступила, но только со второго раза.

Потом она пять лет с увлечением грызла гранит науки, надеясь попасть в аспирантуру. Попала – опять же, с большим трудом. А уж диссертация была настоящим достижением. И потребовала огромной жертвы.

Муж долго пытался смириться с тем, что его супруга торчит в лаборатории по пятнадцать часов в сутки. Потом он стал все чаще устраивать сцены. А потом вдруг успокоился. Елена Ивановна этому даже не удивилась – ей было некогда.

У нее как раз был очередной аврал на работе. А когда он закончился, Елена Ивановна случайно узнала, что ее ненаглядный почти ежедневно наведывается к буфетчице Маше. Обычной девушке без ВО, зато и без той ВП, которой мужу казалась безудержная страсть к науке.

…И вот в 1991 году Елена Ивановна обнаружила себя стоящей у разбитого корыта. Она была одинокой дамой предпенсионного возраста с зарплатой в 13 долларов по тогдашнему черному курсу. К тому же, эту зарплату постоянно задерживали, и порой приходилось неделями питаться одной лишь перловкой.

То, на что она угрохала всю свою жизнь, казалось в те годы решительно никому не нужным. То, чем она гордилась, больше не казалось этого достойным.

Тем не менее, она держалась в институте до последнего – пока новый жуликоватый директор не выпихнул ее на пенсию ради того, чтобы взять на освободившееся место какую-то длинноногую дуру из провинции.

Елена Ивановна быстро нашла подработку. Она регулярно писала таким дурам курсовые и дипломные, изредка даже диссертации. Платили не много, но на жизнь одинокой женщине хватало. Тратить деньги ей было не на что.

Однако в этой ее жизни возникла большая проблема – неудовлетворенность. Работа, занимавшая прежде в жизни главное место, отошла в прошлое, образовав гигантских размеров дыру. И теперь бедная женщина не знала, чем себя занять.

Елена Ивановна пыталась увлечься кино, подсесть на сериалы, как это случилось с большинством ее ровесниц, закупала пачками женские романы и даже на какое-то время завела себе морскую свинку. Но все это было безтолку. Ду-

ша ее не находила покоя. Интерес к жизни упрямо не возвращался.

Женские романы оставались недочитанными – Елена Ивановна мало разбиралась в тех страстях, которым они были посвящены. Типичные для них фразы типа «И тогда Джон подхватил ее на свои сильные руки и, невзирая на ее робкое сопротивление, положил на рояль, и она почувствовала, как…» не имели никакого отношения к личному опыту Елены Ивановны: ей не приходилось переживать ничего даже отдаленно похожего.

Сериалы поражали своей убогостью, а серьезное кино казалось слишком сложным. Морскую свинку через месяц она отдала соседскому мальчику – сразу после того как та нагадила на ковре.

Елена Ивановна тосковала, и спасения от этой тоски не было.

И вот в один прекрасный день в ее дверь кто-то позвонил. Этот звонок застал Елену Ивановну врасплох. Она уже забыла о существовании кнопки звонка на двери в свою квартиру – ею давно никто не пользовался.

На пороге стоял интеллигентного вида молодой человек – наверное, студент. Он улыбнулся Елене Ивановне, вежливо поздоровался и спросил:

– Скажите, а что вам известно о наступлении Золотого века славян?

Оторопевшая от неожиданности женщина ничего не отве-

тила. Попыталась было открыть рот, чтобы промычать хоть что-то из вежливости, но нежданный гость не дал ей опомниться и перешел в наступление:

– Десятки лет враги и паразиты держали темную ментальную вуаль над нашей святой славянской землей, не давая душам предков питать нас своей энергией. Но их время скоро закончится, и сила разума разгонит тьму.

Если бы Елена Ивановна увлекалась фантастикой или была продвинутым геймером, она восприняла бы эти слова как очередной прогон, причем не очень удачный. Но она была научным работником и поэтому привыкла воспринимать слова всерьез.

– Неужели вы ничего не знаете о древней рунической письменности руссов? – удивлялся молодой человек. – А, между прочим, уже научно доказано, что именно от этих рун произошли китайские иероглифы.

Елена Ивановна попыталась вспомнить университетский курс истории. Там ни о каких славянских рунах вроде бы ничего не говорилось. Но… в университете она ведь училась так давно!

– Тысячи лет наша великая раса была придавлена могильной плитой иудео-христианской пропаганды, – продолжал вещать гость. – Но уже забрезжил свет в конце тоннеля. И великий учитель восстал из пепла, как Феникс. Инкарнация бога Ра носит очень простое имя – Иван Правдин.

…Елена Ивановна и сама не заметила, как в ее руке ока-

залась книжка под названием «Великая сила руссов». А в руки визитера вдруг попали две сотенные купюры. Еще совсем недавно они без дела лежали в кошельке пенсионерки.

– Приходите завтра на встречу с великим учителем, – на прощанье пригласил ее молодой человек. – Там вы сможете услышать подробности о биоэнергетике рун и записаться на личный прием.

Дверь закрылась, а она все еще разглядывала рекламную листовку, украшенную космической эмблемой немыслимых расцветок.

Назавтра Елена Ивановна надела лучшее платье и отправилась на презентацию в актовый зал какого-то завода. Иван Правдин с ходу завоевал ее симпатии.

Видом он был неказист: низкий рост, топорщащиеся усы, «пивное» брюшко… Да и ко многим его словам Елена Ивановна отнеслась скептически. Она как-то все еще сомневалась в том, что силой мысли можно очистить генетические коды растений. Или в том, что тот же Правдин спас от засухи Азовское море – опять же, силой мысли.

Но глаза… Глаза этого человека источали такую силу и уверенность, что Елена Ивановна, стоило ей в них заглянуть, забывала про все сомнения и слушала его с открытым ртом.

Елена Ивановна в церковь почти не ходила, но считала себя православной христианкой. И поначалу нападки Правдина на христианство она восприняла в штыки – особенно когда он взялся утверждать, что Христос был нерадивым уче-

ником одной из младших его инкарнаций, а Библия, да и вообще христианская религия, появилась только в XV веке.

«Как же так? – думала Елена Ивановна. – Ведь очень многие храмы намного более древние. Те же соборы во Владимире и Суздале, или, скажем, София в Новгороде…»

Но потом… потом гипнотические глаза сделали свое дело. Она уже не думала и не анализировала, а только молча внимала.

Презентация закончилась, люди потянулись к выходу, а женщина осталась сидеть как завороженная. Она даже не пыталась размышлять об услышанном. Она просто застыла на своем неудобном деревянном стуле.

Тем временем свет в зале погас. Елена Ивановна даже не услышала, как к ней подошел мужчина с усиками, уже в пальто. И только когда он заговорил, она вдруг встрепенулась:

– Я вижу, вы тоже из потомков золотого рода, – произнес Правдин, глядя ей в глаза. – Я это чувствую на ментальном уровне. Пора, пора уже вспомнить про прошлые свои воплощения, отбросив мрак христианского мракобесия.

Елена Ивановна молча смотрела, непонимающе, но преданно. Тем временем Учитель продолжал:

– Таких, как вы, в мире не больше двадцати процентов. Вы ведете свой род от ариев, духов великого Радомира, сына Ра. Так что приходите ко мне на прием завтра в 9.20. И я подскажу вам, как реализовать свой духовный потенциал.

С того времени Елена Ивановна влилась в ряды преданных учениц Ивана Правдина. Вскоре она вступила в его общество руссов.

Чтение книг, просмотр видео, посещение лекций и индивидуальных сеансов учителя, а потом и проповедь на московских улицах отнимали у нее все свободное время и наличные деньги. Для того чтобы вовремя подзарядиться энергией, часто приходилось залезать в долги.

Но Елене Ивановне ни времени, ни денег не было жалко. Раньше перед ней стоял вопрос: как жить и ради чего? А теперь ответы на все вопросы за нее находил Великий Учитель (теперь она называла его именно так). Ей оставалось лишь выполнять его мудрые указания.

…Прогнившие овощи, купленные с лотков, пришлось в итоге выбросить в корзину. Голод все-таки напоминал о себе. Измеряя шагами свою кухоньку, Елена Ивановна решилась отведать неблагонадежного с точки зрения энергетики блюда – макарон.

«Жаль, что до сих пор мы так и не научились пополнять свою энергию самостоятельно, – подумала она, вспоминая слова Великого Учителя. – Вот он-то, небось, одним только Космосом питается на завтрак, обед и ужин. И нам всем – тоже пора бы уже. Да вот только не достиг наш дух еще высот астральных, не хватает силы рода и перевоплощений».

Сам Правдин, уплетавший в это время жаркое в небольшом ресторанчике, думал вовсе о другом. Пища приносила

ему удовольствие, но покоя на сердце не было. И это было связано отнюдь не с астральными измерениями.

Но Елена Ивановна, конечно же, не могла знать, о чем он думает. Она не умела читать мысли, да еще и на расстоянии. Но если бы ее ментальные способности действительно возросли бы до такого уровня, то пенсионерка сильно бы удивилась.

Времени было уже полпятого. «Значит, оставался всего час – как раз хватит для того, чтобы прочитать пару разделов из новой книги Правдина „Великая империя руссов против ментального паразитизма“», – подумала Елена Ивановна. Она устроилась на стареньком диванчике, прохудившемся местами чуть ли не до пружин, и с интересом погрузилась в малопонятные мысли и идеи Великого Учителя.

То и дело она поглядывала на часы. Опаздывать на лекцию про ядерную войну в ледниковом периоде ей очень не хотелось.

* * *

Мотор доходяги тарахтел как бьющийся в агонии зверь. В салоне воняло соляркой, а водилы шикарных джипов окидывали пассажиров «Лады» брезгливыми взглядами.

Впрочем, их презрение было ничем не оправдано. Во-первых, они попали в то же самое незавидное положение и, вместо того чтобы рассекать по Садовому, торчали теперь в

пробке. А пробка – она одинаково неприятна и для супербогачей и для тех, кому даже старенькая тачка все еще кажется роскошью, а не средством передвижения.

А во-вторых… Если бы эти надменные владельцы джипов знали, о чем ведут беседу невзрачные с виду пассажиры «Лады»…

Но никто об этом и не подозревал. Ведь салон старой машины – это лучшее место для того, чтобы обсуждать глобальные планы.

– Мы будем готовы не раньше, чем через месяц, – негромко объяснял Джону Кистоффу водитель «Лады».

– Месяц – это есть слишком много, – покачал головой американец.

– Необходима определенная… как бы это сказать? Информационная подготовка, что ли? Планы на сей счет у нас уже есть, и они исполняются.

– Очень на это надеяться, – с жутким акцентом ответил Джон.

– Не беспокойтесь, мы работаем на полную катушку. Но… как вы сами понимаете, операция эта очень серьезная, и она требует серьезных усилий.

– Я не беспокоиться, мне не есть различно. Но клиент… Клиент ждет. У клиент есть свои планы, понимать? И если мы не успеть, клиент может отказаться от сделка.

– Мы оговорили с клиентом конкретные сроки и будем действовать строго в рамках соглашений.

Водитель, почесывая грудь под застиранной майкой, говорил как крупный бизнесмен или опытный политик. И при этом то и дело нажимал на газ, чтобы проехать каких-нибудь пару метров и снова упереться в зад «ситроену пикассо».

– О'кей, это есть хорошо, – кивнул Кистофф.

Но на самом деле он так не считал. Джон прилетел в Москву специально для того, чтобы обсудить в деталях эту операцию. И снова слышать общие фразы типа «мы будем действовать в рамках договоренностей» ему никакого удовольствия не доставляло.

– А что насчет партии для наших колумбийский амиго? – спросил он.

– Все идет строго по плану. Товар уже отгрузили с армейского склада, он сейчас перемещается по Украине. Сегодня ночью отправим его морем.

Джон открыл уже было рот, чтобы задать вопрос. Но заметил некую фигуру, маячившую перед лобовым стеклом.

Водитель нехотя открыл дверцу. В салон тут же проник запах дорогого мужского дезодоранта.

– Эй, ты чего, офигел совсем? – закричал незнакомец. – Какого хрена ты меня подрезаешь?

Его майка от «Гуччи» была насквозь мокрой от пота. Лицо – красным и очень уставшим.

Немного впереди, на соседнем ряду стоял и автомобиль этого пижона. Разумеется, это был новенький «мини-купер». Топ-менеджер ехал на обед в модный ресторанчик, а вместо

этого наглухо завис в пробке. И настолько расстроился, что психанул и стал на людей кидаться.

Конечно же, водитель «Лады» ничем его не обидел – более того, по московским меркам, где этика вождения довольно-таки специфическая, и вовсе мог считаться «паинькой». Но смог, жара, пробки сделали свое дело.

Кистоффу пижона было совсем не жалко. Он вызывал одно лишь отвращение. На месте водителя «Лады» Джон послал бы его куда полагается отборным матом – американским или даже русским. Но тот не стал ссориться и качать права.

– Молодой человек, простите меня великодушно, – подчеркнуто вежливо сказал он. – Сами понимаете, нервы сдают.

– Совсем уже охренели, лоси понаехавшие, – произнес владелец «мини» с чисто московским акцентом. – Повылазили из колхозов и наводят здесь свои порядки.

На этом разговор был закончен. Тем более пробка, наконец, начала рассасываться.

– А как он мог узнать, что вы не есть из Москвы? – спросил Кистофф. – Ваш вид, ваша одежда это ему сказать?

– Нет, номер. Машина зарегистрирована в Вологодской области. Так что я действительно как будто понаехавший.

Кистофф покачал головой. Вот оно, оказывается, как все просто.

– Кстати, мне не очень удобно говорить, но… в вашей ле-

генде обнаружилась маленькая неувязочка, – водитель оторвал руку от руля, чтобы почесать усы.

– Что-что? – удивился Кистофф. – Не понимать.

– Американская консалтинговая фирма «Сатклифф и сыновья», которая отправила вас в командировку в Россию, не имеет филиала в столице. Таковые зарегистрированы только в Тольятти и Нижнем Новгороде.

– Как не имеет? – вскричал американец. – Я же… вот есть документы.

Он вытащил из папки какой-то лист. Его верхушку украшала шапка фирменного бланка.

– Да, филиал действительно существовал здесь еще пару лет назад, но его пришлось закрыть, когда грянул кризис, – продолжил водитель. – Но вы не волнуйтесь, это дело поправимое.

Кистофф, однако, заметно волновался.

– Вот ваш билет на рейс в Тольятти, – сказал водитель, протягивая ему распечатанный на принтере лист. – Вылет в четырнадцать двадцать. То есть через семнадцать минут.

– Но… мы же не успеть.

– И очень хорошо. Сейчас вы можете позвонить в аэропорт и сказать, что застряли в московской пробке. Стоите в такси на Садово-Каретной. Все звонки там записываются, и если кто-то заинтересуется вашей персоной… Короче, вы сможете легко отвести от себя подозрения. Алиби железное, комар носу не подточит.

«А все-таки они профессионалы, – признал Кистофф, набирая номер аэропорта. – Но контроль необходим даже и за ними».

– Кстати, давно хотеть вас спросить, – поинтересовался Джон, когда дело уже было сделано. – А откуда есть этот ваш… псевдоним? Ну, Фред.

– А если я скажу, что это – военная тайна, вы на меня обидитесь?

– Нет, что вы! – воскликнул Кистофф. – Это есть такой… как это будет? Любопытство, да? Но если тайна, то…

– Да ведь проблема в том, что тайны никакой нет, – водитель искоса взглянул на него. – Я взял его от балды. Знаете такое выражение? Нет? Ну, объяснить его очень сложно…

Глава 4

Солнце немилосердно припекало. Правая рука, попавшая под тяжелое тело, затекла и отказывалась подчиняться. Где-то на самом краю сознания непрерывным гулом гудели голоса.

Шрулик лениво потянулся и осторожно приоткрыл глаза. Как и следовало ожидать, ничего хорошего он не увидел. И поэтому попытался снова погрузиться в сон.

Но увы – опоздал. По своему опыту Шрулик знал, что спасительный сон больше не будет ему дарован.

Голоса тем временем обретали мощь и визгливость. Шрулику казалось: кто-то открыл его черепную коробку и кричит прямо туда – будто в канализационный люк.

– Валяется тут всякая пьянь, мать твою! – жаловалась одна бабушка другой.

– И не говори, Марь Сергеевна! Развелось тут их столько, что проходу не дают. Никакого житья от этих алкашей.

– И куда, скажите мне, милиция смотрит! Нас за семки вон как гоняют, а эти творят что хотят.

– Вон, посмотри, молодой еще парень! А работать, поди, не желает!

– Да зачем ему работать-то! Пусть старушки работают. А он у мамки пенсию отберет, глотку зальет – и доволен!

Шрулик снова потянулся. Двигаться ему очень не хоте-

лось. Но громкость голосов увеличивалась. Бабушки постепенно входили в раж. Значит, их нужно было срочно успокоить.

Он вскочил на ноги и сложил татуированные пальцы в кулак величиной с дыню.

– Эй, старые мандавошки, а ну канай отсюда! – негромко, но вполне отчетливо произнес Шрулик.

Бабушки даже не пытались вступать в полемику. Испуганные таким поворотом событий, они похватали свои кошелки с семенами подсолнечника и сделали ноги. Добежав до угла, одна из них обернулась, пропищала что-то обидное и тут же была такова.

Шрулик огляделся. Ничего неожиданного он не увидел, и увиденное его отнюдь не обрадовало.

Рядом стояла заплеванная скамейка. Судя по всему, именно в этом месте городского скверика Шрулик провел последнюю ночь – или, во всяком случае, большую ее часть.

Керчь уже вовсю жила своей провинциальной жизнью. По узкой улочке одна за другой проносились добитые тачки. Отдыхающие возвращались с пляжа на обед, искоса поглядывая на Шрулика.

Голова страшно болела. Температура во рту была не меньшей, чем в кратере вулкана. По лицу струились тонкие струйки пота.

Он попытался восстановить в памяти события вчерашнего дня.

Все началось как обычно. Часов в двенадцать дня позвонил Пулька, через час они встретились возле гастронома. Денег хватило только на одну бутылку, и тогда друзья отправились к еврейчику, которому иногда оказывали полезные услуги.

Увидев эту парочку на пороге своего респектабельного особняка, Семен Исаакович настолько переволновался, что сразу отвалил им пятьсот гривен. Затем они с Пулькой заставили его еще поволноваться и добавить штуку.

Потом был какой-то шалман на побережье, какие-то относительно недорогие девицы, любовные утехи в ближайших кустах…

Потом какие-то колдыри сломали Пульке ногу…

Шрулик так и не вспомнил, из-за чего разгорелся конфликт. Но судя по тому, что костяшки его пальцев сильно болели, тем колдырям тоже немало досталось.

Потом, кажется, были какие-то менты… И чего они, спрашивается, хотели? Денег, наверное, опять же денег. А потом он снова бухал с каким-то солдатиком… Нет, этого Шрулик уже почти не помнил.

Когда он дрых себе на скамейке в скверике, жизнь казалась ему раем. Но теперь, после пробуждения, она повернулась к нему спиной – или, вернее, задом.

Зад, кстати, сильно болел. На груди отпечатались вмятины от острых брусьев скамейки. Но голова… голова болела еще больше.

Шрулик принялся рыскать по карманам своего трико. Разумеется, никаких денег он там не обнаружил.

– Это уже хуже, – сказал он себе. – Ладно, пойду поищу пионеров.

На другом конце скверика парни пэтэушного вида разгонялись пивком. Шрулик медленно приблизился к ним, поигрывая своими мастями. Парни окинули его недоброжелательным взглядом.

«Такие могут и грызло набить, – опасливо подумал он. – Эх, что за молодежь пошла, нету для них авторитетов».

Надо было срочно придумать схему добывания денег. Но Шрулику было не впервой.

– Здоров, брателлы! Есть к вам базар! – поприветствовал он собравшихся.

Те отнеслись к нему явно настороженно.

– Допьем, тогда отдадим, – сказал один из них, приняв Шрулика за сборщика стеклотары.

– Вы Лешего знаете? Ну, смотрящий за этим скверик… – Шрулик их как будто не услышал.

Никакого Лешего парни, разумеется, не знали (да и Шрулик тоже). Но сразу заинтересовались. Слово «смотрящий» произвело на них впечатление.

– Он откинулся вчера. Так мы всей братвой ему баблос собираем, чисто чтобы встретить как парня. Сегодня гулять будем в «Домино», так что и вы подходите. Вся братва будет, реальный сходняк.

Хобзайцы замялись. Такая перспектива им явно не улыбалась. Сходняк – это ведь не дискач какой-то.

– Ой, а у меня… мама больная, я не могу, извините, – промямлил один из них.

Второй полез в карман за деньгами. И тоже очень извинялся за то, что не воспользуется приглашением.

Денег было совсем не много – гривен семьдесят. Что с них, салаг, взять? Но даже этой суммы Шрулику хватало на первоочередные нужды.

В магазинчике у кассы образовалась небольшая очередь. Юная девушка с двумя йогуртами в корзинке брезгливо поморщила носик, когда Шрулик пристроился тут же за ней.

– Че, малая, может, раздавим флянец? – ради шутки предложил он. – Тут кусты неподалеку высокие.

Девушка ничего не ответила, но сильно испугалась. Шрулик улыбнулся. И тут же помрачнел.

Он понимал, что эта красавица – не для него. Это раньше, в безвозвратно ушедшей молодости, можно было бы предложить ей прогуляться по набережной, сходить в кино, посидеть в хорошей кафешке… И она, возможно, и не отказала бы – Шрулик был парнем хоть куда, и его мускулы, выпиравшие из тельняги, всегда привлекали внимание противоположного пола.

Но сейчас их маршруты с этой красавицей, увы, разошлись. И, опять же, увы, – навсегда.

Девушка расплатилась за свои йогурты и бодро зацокала

острыми каблучками по мостовой. Шрулик долго смотрел ей вслед.

Всадив в себя одним махом полбутылки портяги, он тут же почувствовал облегчение. Мир уже не казался ему таким злым и мрачным. На сердце потеплело. А где-то заиграла его любимая песня Стаса Михайлова.

Через пару минут он, наконец, понял, что песня играет прямо в кармане его трико. Видавший виды мобильник давно уже надрывался.

– Твою мать, и кому я, нах, понадобился! – выругался Шрулик. – Отдохнуть не дадут, изверги.

Он вытащил трубку и взглянул на номер. Желание ругаться сразу пропало.

Это был не кто иной, как Ося Баль. Жучок средней величины, который вот уже который год был для Шрулика единственным источником пропитания.

Шрулик был нужен Осе как дешевая рабсила. Чаще всего его нанимали в качестве грузчика, но иногда бывала работенка и поинтереснее – скажем, прессануть какую-нибудь тлю, которая зажала пару штук баксов. Платили неплохо, с надбавкой за риск. С особо крупных партий контрабанды Шрулик требовал премиальные.

– Алло, я с-слушаю, – он попытался как-то выровнять свой голос, но, увы, неудачно.

– Опять нажрался, да? – вместо приветствия зарядил Ося.

– Да н-не, п-просто… устал.

– Знаю я, отчего ты устаешь. И не дозвониться к тебе было с вечера.

– Н-не знаю, может, с моблом чего не того…

– Это с тобой не того. Ладно, короче. Сегодня в час ночи у столика. Усек, да?

– Усек. А что там? Много?

– До фига и больше. Заказ серьезный. Так что не тупи.

– И сколько?

– Пять.

«Ни хрена себе!» – подумал Шрулик. Таких денег за один раз он еще никогда не отгребал. Обычно гонорары были раза в три меньше.

– Но будешь бухой, тогда и штуки не получишь, понял, да? – продолжил Ося.

– Не боись, шеф, протрезвею, – бодро ответил Шрулик.

– Ну и лады. Все, иди спать.

Шрулик тут же воспользовался его советом и отправился в свою берлогу. Даже взял мотор за последние бабки – в преддверии такого выгодного дельца можно было не экономить.

* * *

– Груз уже в пути, – сказал усатый водитель «Лады», повернувшись к собеседнику.

К тому времени машина черепашьим ходом выползла на

Кутузовский проспект. И тут же стала, упершись в очередную пробку.

– Кто займется его отправкой по морю? – спросил Кистофф со своим ужасным акцентом.

– Вопрос уже улажен, не волнуйтесь.

– Нет, я есть волноваться! Я же вам сказать: нам эти… intercessors не нужны.

– Посредников и не будет. То есть их не будет уже этой ночью. Сразу после выполнения работы.

«Ну и мудак!» – подумал про себя водитель. Он ведь прекрасно знает, что партия товара весит полторы тонны. И для того, чтобы быстро погрузить ее на катер, нужны не две руки, а как минимум шесть. А если не вписаться в полчаса, то есть риск нарваться на пограничный патруль. Да и катер тоже надо найти в порту, и желательно местный. Иначе вся конспирация – в трубу.

Обо всем этом американскому партнеру было известно. Во всяком случае, должно было быть. Но, тем не менее, он продолжал тупить.

– Кто есть этот люди? – настаивал Джон. – Мне нужно понять.

– Мы связались с местными контрабандистами. Контрабанда, понимаете? Люди возят по морю мелкие партии товара, им предложили деньги, и они согласились нам помочь.

– И они знать, что будут везти?

– Конечно же, нет! – усач успокаивал его как ребенка. –

Им и дела никакого нет до этого. Они получат деньги… а потом еще и пулю. Так, для профилактики.

– Что есть профилактика?

– Ну, на всякий случай. Агент уберет их, сразу после того как закончится погрузка. И сам поведет катер.

Американец призадумался. Для того чтобы осмыслить сказанное, ему потребовалось минут пять. За это время машина вырвалась, наконец, из пробки, доехала почти до окраины Москвы и свернула на развязку.

– Это есть плохо! – наконец изрек Кистофф. – Murder, убийство, есть расследование. Полиция будет иметь интерес к тому, что было. Это есть плохо и нечисто!

– Вы знаете такое слово – «глухарь»? – спросил водитель.

– Нет, а что это?

– Нераскрытое преступление, следственное дело по которому со временем сдается в архив. Что-то похожее будет и в нашем случае.

– А почему глухарь? – полюбопытствовал Джон.

– Потому что глухо. Наш агент справится со своей задачей на отлично, его квалификация позволяет на это надеяться. Следов не будет.

Американец снова призадумался.

– А вообще, глухарь – это птица, – добавил водитель. – Не помню, как она будет по-английски.

– Но нам не нужен такой птица! – парировал Кистофф. – Мы не нужно привлекать внимание к этой операция. Глу-

харь, не глухарь – не важно. Это все равно есть внимание полиции.

– Знаете, сколько таких глухарей в Керчи?

– Мне не есть важно. Это не есть вариант! – резюмировал Джон.

Теперь был черед водителя немного призадуматься. И он вскоре пришел к выводу, что этот клятый янки в чем-то, все-таки, прав.

Живет себе в Керчи обычный парень Вася Помойкин, возит он из Турции шубы да памперсы. И вдруг его находят в море с аккуратной дырочкой на виске, сделанной из пистолета системы «Беретта»… Это ли не повод призадуматься? Если и не для местных ментов – им-то, как раз, все пофиг, – то, по крайней мере, для людей повыше да поумнее.

Так что дотошность этого американоса имеет свои основания.

– Они могут пропасть без вести, – наконец изрек водила.

– Это тоже не есть вариант! – ответил Кистофф. – Их могут найти. У них есть мать, гэлфрэнд, сестра.

Водила снова призадумался. И снова признал, что Джон был абсолютно прав.

– Ну тогда… Знаете, что такое «бытовуха»?

– Нет, этот русский жаргон я не знать.

– Это когда парни пошли в бар, выпили там, подрались. Ну, и один другого ножичком пырнул. Так, чисто случайно.

Он тут же полуобернулся к своему собеседнику, чтобы

увидеть его реакцию. Но каменное лицо мистера Кистоффа решительно ничего не выражало. И не предвещало ничего хорошего.

– А это есть вариант! – вдруг радостно воскликнул он. – Если думать, то есть идея, да? Пусть ваш агент так работать! Чтобы один парень ножиком второго парня…

– Все ясно! – отреагировал усач. – Я свяжусь с ним и дам нужные инструкции.

«А все-таки сложно работать с этими американосами!» – пронеслось у него в голове. Но ничего не поделаешь, приходится притираться.

Тем временем машина уже вернулась в центр города. Кистофф попросил высадить его возле уютного ресторанчика с русской кухней. Ведь переговоры переговорами, а обед – по расписанию.

* * *

Добравшись к себе домой на Пролетарскую, Глеб обнаружил, что он голоден как собака. В холодильнике, как всегда, гулял ветер. Хорошо еще, сохранились какие-то пельмени двухнедельной давности. И – главное! – на кухне стояла большая бадья с питьевой водой.

Глеб включил электрочайник и отправился в ванную. Струи прохладной воды мигом вернули его к жизни.

В своей последней командировке Сиверов был лишен воз-

можности пользоваться этими благами цивилизации. И теперь мог оценить их по достоинству.

Да и пельмени показались ему необычайно вкусными – он уже успел от них отвыкнуть. Тем более, позавтракать сегодня он так и не успел.

В городе жара отбивала всякий аппетит. Другое дело – здесь, дома, где исправно работает кондиционер.

– Интересно, а как там Филиппович? – вспомнил Глеб о проблемах своего шефа. И улыбнулся.

Закончив с едой, он решил немного вздремнуть. Сна в последние дни хронически не хватало, а теперь вот выдался редкий для него, бедного, свободный денек.

«Как писал Сервантес, сон – это лучшее время жизни человека, – подумал Глеб. – Или это не он так писал, или вообще не так? Но в любом случае… Это – правда!»

Он тут же рухнул на свежую простыню и накрылся второй. Глаза сомкнулись сами собой.

Через пару минут Сиверов уже видел генерала Потапчука, который рекламировал кондиционеры фирмы «Бош». Причем шеф даже придумал свой рекламный слоган, который произнес с обычной для себя улыбочкой: «Бери «Бош» – и ибошь». Все это время генерал находился в окружении очаровательных юных японочек в розовых кимоно…

Когда телефонный звонок оторвал Глеба от этого легкого и приятного бреда, он чуть было не выругался.

– А вот и шеф! – вздохнул Сиверов, глянув на табло. –

Только, видно, уже без японочек…

– Ну, как отдыхается? – поинтересовался Потапчук. И Слепой тут же уловил в его голосе ехидные нотки.

– Отлично, Федор Филиппович! – грустно ответил он.

– Хорошо, да недолго! Ну ничего, друг, служба такая…

– А в чем дело? – Глеб строил из себя дурачка.

– Надеюсь, у тебя нет планов на вечер?

– А если есть?

– Придется их изменить. Свою личную жизнь, дорогой, будешь устраивать в следующий раз.

– А в этот раз что?

– У тебя вылет через два с половиной часа. Такси в аэропорт я уже заказал. Будет через двенадцать минут, так что еще успеешь почистить зубы.

Потапчук действовал в своем стиле. Он любил преподносить сюрпризы и делал так всегда. Но, несмотря на это, Сиверов еще не разучился удивляться очередным перипетиям своей судьбы.

Глеб думал было спросить, с чем связан этот очередной форс-мажор, но… Генерал его опередил:

– Все инструкции получишь позже. А пока собирайся. Полетишь к морю, в те места, где нет никакого смога. И поэтому я тебе очень завидую, сидя здесь, в своем вонючем московском кабинете.

Из этих слов Сиверов сделал вывод, что кондиционер так и не починили.

* * *

Подъем по Митридату дался Шрулику с большим трудом. На одном из каменных грифонов, расположенных по бокам знаменитой лестницы, резвились дети. Рядом точили лясы их туристического вида мамаши.

Когда Шрулик спустил штаны и справил нужду у подножия мифической птицы, они тут же брезгливо ретировались.

Солнце припекало уже не на шутку – наступила самая жаркая часть дня. Шрулик еле передвигал ноги, волочась по пыльной улочке из покосившихся деревянных домов. Дошел до конца и остановился у хибары, выделявшейся своей заброшенностью даже на этой убогой улице. Весь двор зарос почти метровой травой – в этом году его еще никто не косил.

У крылечка за небольшим столиком что-то стряпала его мать. На ее морщинах застряли какие-то капли – может быть, даже слезы.

– Явился, не запылился, – грустно промолвила она. – Думала уже, сдох ты где под забором…

– Мать, ну че ты ноешь, а? – повысил голос Шрулик.

Пожилая женщина встала из-за стола и подошла к нему вплотную. Шрулик знал, что сейчас произойдет. Опять начнутся все эти причитания. Мол, когда ты за ум, наконец, возьмешься, когда на работу устроишься… Да ты ж у меня единственный, надежда ты моя… И все такое.

Но вместо этого мама лишь молча глянула в глаза сыну – прямо в глаза. И с трудом сдержала слезы.

Шрулик и сам был готов расплакаться. Тем более, он помнил те времена, когда мать гордилась своим сына. Он с отличием окончил мореходку и в первом же плавании получил благодарность за отличную службу.

Шрулика тогда звали Пашей, и он мечтал о карьере морского офицера. Мать мечтала об этом не меньше него. Ведь и ее муж – отец Паши – тоже был моряком – правда, военным. Пока не пропал без вести во время боевого дежурства на подлодке К-129.

Паша часто примерял китель отца. Мама считала, что форма ему очень к лицу.

Но потом… потом его жизнь пошла по наклонной. Однажды, вернувшись из очередного плаванья, он случайно повстречал на улице друга детства Пульку. Позвонил маме и сказал, что задержится на пару часов. И вернулся домой только через два дня – с синяком под глазом и жутким запахом перегара изо рта.

Друг детства зашел в гости уже на следующее утро. Мама накормила его завтраком и одолжила денег на билет до Киева. Разумеется, они были потрачены в ближайшем магазине.

В следующее плавание Паша уже не вышел. Его уволили по статье, без выходного пособия.

Вот так и началась его шалопутная жизнь. Философия была очень простой: с утра выпил – весь день свободен.

Мама поначалу попыталась как-то повлиять на сына: уговаривала, ругала. А потом… потом просто махнула рукой.

Паша все это понимал. И мать ему было очень жалко – чисто по-человечески. Но… ничего поделать с собой не мог.

– Ладно, алкаш, иди есть, – сказала она взгрустнувшему у крыльца Шрулику. – Только руки помыть не забудь.

* * *

По телеку показывали какую-то муть. Сначала – сериал про ментов с переводом на украинский, потом – новости… Шрулик переключил на музыкальный канал, по которому круглые сутки транслировали загоревшие в солярии длинные ножки. На их стареньком «Горизонте» они приобретали трупный оттенок.

Мама вязала в соседней комнате. Потом отправилась к соседке пить чай.

Шрулику тоже очень хотелось выпить, но совсем не чаю. Бутылки портвейна ему было недостаточно для качественного похмелона. Но он сильно боялся, что вдруг увлечется – как это всегда и бывало. И тогда плакали его денежки.

– Ладно, сделаем дело, а потом и в ночник зайдем, – решил он. – Сделал дело – бухай смело.

Он поставил будильник на полночь и попытался заснуть. Но не тут-то было! Похмелье перешло в такую стадию, когда сон стал невозможен.

И мысли лезли какие-то идиотские. Как будто сквозь пелену, ему мерещилось лицо Гали. Девушки с соседней улицы, которая была влюблена в него до беспамятства.

Одно время ему казалось, что Галя – это хорошо, но мало. Душа жаждала приключений и донжуанских побед. К тому же, они случались. А быть примерным мужем и стирать закаканные пеленки Павлу было неинтересно.

Галя долго плакала и… наконец вышла замуж. Разумеется, не за Шрулика. Она по-прежнему живет здесь, и иногда они встречаются. Шрулик, пошатываясь, тащится из магазина с флянцем водки, а Галя ведет из садика своих смеющихся детей – мальчика и девочку.

В этот вечер Шрулику подумалось, что это могли бы быть его дети. Если бы в жизни сложилось иначе…

– Ладно, хватит ныть, – успокоил он себя. – Нарубим сегодня капусты, накатим стакан-другой – и все тогда сразу наладится.

…Без пяти полночь он вышел из своей комнаты и, стараясь не шуметь, стал обувать кроссовки.

В соседней комнате горел свет. Значит, мать еще не спала. Сквозь маленькую щелочку в двери доносился ее негромкий голос:

– Настави, Господи, неразумного раба твоего, дабы не погиб он от искушений дьявольских…

Мама молилась. Молилась за спасение своего заблудшего сынка.

Завязав шнурки, Шрулик осторожно оттянул щеколду замка. Он почти уже выбрался на свободу, но… дверь в сени предательски скрипнула. Как-никак ее пружины давно уже никто не смазывал.

– Ты куда собрался? – тут же услышал он взволнованный голос. – Тебе что, вчерашнего было мало?

– Мам, ну я же не пить иду! – начал оправдываться Шрулик. – Щас к Димке на пару сек заскочу, он мне как раз диск обещал.

Легенду приходилось выдумывать сходу – заготовок у него не было. Да и мама уже успела хорошо изучить все эти немудреные хитрости.

– Какой Дима в двенадцать часов ночи, что ты чепуху мелешь? – она окинула его строгим взглядом.

– Да кореш мой один, он на соседней улице живет, – неправдоподобно лгал Шрулик.

– Знаю я твоего кореша! Постыдился бы хоть врать.

Не найдя, что ответить, Шрулик попытался было молча открыть входную дверь, но перед ним выросла фигура матери.

– Не пущу! – надрываясь от плача, крикнула она. – Не пущу и все! Только через мой труп.

– Мама, я ненадолго. У меня здесь дело одно… и пить я не буду, честное слово!

Но мать оставалась непреклонной. А время шло. Шрулику пришлось оттащить ее силой.

Она не сопротивлялась. И когда входная дверь захлопнулась, села на пол, обхватила колени руками и забилась в тихих рыданиях.

* * *

Как раз к часу ночи над морем взошла луна. Она освещала не только легкую рябь на воде, но и уродливые железобетонные конструкции на берегу. Заброшенная махина величиной в десятиэтажный дом издалека была похожа на монстра, прилетевшего с Марса для захвата нашей планеты. Особенно в загадочном лилово-желтом свете луны.

Когда-то здесь был крупный сталелитейный комбинат. Его построили в Керчи специально для того, чтобы часть продукции можно было отгружать по морю. Но в эпоху смены эпох он обанкротился и опустел. Все, что можно было украсть, давно было украдено и пропито местными жителями.

Это место в последние годы имело дурную славу. Ночью здесь творились какие-то малопонятные делишки. Поэтому добропорядочные граждане старались обходить его стороной.

Делишки были темными, но не такими уж и страшными. Заброшенный причал облюбовали мелкие контрабандисты наподобие Оси Баля. Здесь они грузили на катера и моторки партии товара (водки, сигарет или другой мелочевки), до-

ставляли их на стоявшие на рейде корабли и принимали от матросов тюки с меховыми изделиями или косметикой, доставленные из заморских стран мимо таможни.

Шрулик знал эти места очень хорошо. И не боялся ни волков, ни привидений.

Он смело свернул с темного шоссе на заросшую травой дорогу, ведущую к заводу. Неподалеку от проходной среди ржавых мусорных контейнеров примостился старенький «бумер».

– Ага, Ося уже на месте, – решил Шрулик. – Но и я, похоже, не опоздал.

Действительно, у него оставалось еще целых три минуты. Как раз достаточно для того, чтобы добежать – или нет, даже дойти – до места встречи.

Неподалеку от пирса находился массивный железный стол, над которым еще сохранилась табличка «Пункт контроля».

Кого или что тут контролировали, никто уже не помнил. Но в силу того, что ножки стола были наглухо вмонтированы в бетон, его так никто и не сподобился утащить. Стол стал излюбленным местом встреч специфической публики.

– Ну че, морячок, мозги свои еще не совсем отпил? – радушно поприветствовал его Ося.

Шрулик взглянул на него недобрым взглядом. Будь это не Ося, а кто другой, он тут же двинул бы ему кулаком между глаз. Но в данном случае приходилось терпеть. Как-никак

шеф и работодатель.

– Да уж, с тобой не разгуляешься, – ответил бедняга, все еще мучимый бодуном.

– Ничего, брателла, работы сегодня у нас ненадолго. А потом можешь и гульнуть как следует.

– А что за работа? Опять решил паленую водяру чуркам спихнуть?

– Да нет, я тут ни при чем. Это кент какой-то объявился, ему помощь нужна в перевозке грузов. А че за грузы, я даже и не знаю. Да мне, в общем, и пофиг.

– Но башляет он нехило, да?

– Очень нехреново! Явно серьезняк какой-то. Может, камушки или еще что?

При слове «серьезняк» Шрулик поежился. У него почему-то появились недобрые предчувствия. Но он тут же списал их на тот же абстинентный синдром.

Разговор как-то запнулся. Тем временем начинало холодать. С моря тянуло прохладой. Ося выкурил сигарету и отправился к своему катеру, пришвартованному неподалеку. На всякий случай проверил мотор – исключительно от нечего делать.

– А где этот корешок-то твой? – спросил Шрулик через десять минут ожидания.

– Опаздывает, мать его! Взял у меня микробус мой, за товаром поехал – и сник! Хотя… Вон, кажись, и он!

По засыпанной мусором дороге медленно прокладывал

себе путь грузовой микроавтобус. Было видно, что водила нездешний, и поэтому он действовал очень осторожно.

– Да, странная это тема… – промямлил Шрулик.

Ося тем временем отправился навстречу машине, чтобы дать ЦУ – на правах хозяина этого места. Вскоре «бусик» уже развернулся своим проржавленным задом по направлению к морю.

– Эй, Шрулик, поехали! – бодро скомандовал Ося. – У нас на все про все полчаса.

Они вдвоем подхватывали довольно тяжелые ящики, обтянутые драпировкой, и спускали их к катеру. Груз им подавал какой-то странный мужчина. На вид он был похож на обычного местного колдыря – потертые треники, застиранная майка, китайская кепочка «Чикаго Буллс», двухдневная щетина… Но лицо… лицо его было каким-то очень непростым и неместным.

«Ладно, хрен с ним, – пронеслось в голове у Шрулика. – Нам-то дело какое? Баблос свой получим – и баста».

– Эй ты, балбес, осторожно! – завопил вдруг Ося. – Держи, держи…

Но было уже поздно. Ося случайно оступился, ящик выскользнул у него из рук и грохнулся оземь.

К счастью, груз остался цел и невредим. Разве, что драпировка на нем пострадала. В открывшуюся дырку Шрулик увидел выкрашенное в камуфляжный цвет железо и обрывок какого-то номера.

Он тут же вспомнил, что когда-то ему уже приходилось встречать такие ящики. Это было во время службы в военном флоте. И в них тогда находились боеприпасы для РПГ-27 «Таволга».

– Эй, мудилы, вы что, совсем охренели? – тут же заревел на них странный мужичок в кепочке. – Этак мне весь груз перепортите.

– Извини, шеф, из рук выскользнуло, – оправдывался Ося. – И этот дятел не подхватил вовремя.

Шрулик сильно обиделся. Он ведь был совсем ни при чем. И какого этот Ося, спрашивается, его так подставил?

О содержимом этих странных ящиков он больше не думал. Было недосуг.

В багажном отделении их оказалось совсем не много – всего девять. И спустя пару минут дело уже было сделано.

– Ну все, мужики, спасибо за помощь, – сказал незнакомец, доставая из кармана ровную пачку стогривенных купюр. – Вот вам на двоих, как договаривались.

Он тут же забрался в катер и завел мотор. Перегруженная посудина с трудом сдвинулась с места, но постепенно набрала скорость. Ося и Шрулик смотрели ей вслед. Затем, не сговариваясь, пошли в сторону города.

– Ну что, корефан, давай бабки делить, – предложил Шрулик, когда они уже подходили к громадине заброшенного завода.

Он и сам не верил, что такое с ним могло случиться. Что

всего за полчаса можно заработать баблоса на месяц вперед. И поэтому очень боялся, что этот жук Ося его в последний момент наколет.

– Не кипеши, фраерок, никто тебя не кинет, будут тебе твои бабки, – спокойно ответил Ося. Видно, ему было по кайфу действовать своему компаньону на нервы.

– А чего ж не сейчас? Давай поделим, и…

– Ладно, уговорил, – Ося остановился посреди дороги. – Посвети тогда. Есть фонарик?

Шрулик уже достал мобильник, а его шеф вынул из кармана пачку гривен, когда неподалеку от них вдруг послышался странный шум. Они вмиг подняли головы.

Прямо на них по дороге бежал трусцой странный мужчина в шортах и кроссовках. По виду он был похож на обычного физкультурника. И, видимо, им являлся.

Они посторонились. Мужчина пробежал мимо, даже не обратив на них никакого внимания. Он дышал громко и размеренно, стараясь не сбиться с ритма.

«М-да, странные места этот кент выбрал для своих пробежек», – подумал Шрулик.

Тем временем Ося отсчитал полагавшиеся ему пять тысяч. И засунул в карман рубашки оставшуюся часть пачки – большую часть.

Шрулик аккуратно сложил деньги в задний карман трико. На радостях он даже решил купить маме небольшой подарок. Например, электромясорубку. А то старая, механиче-

ская, уже совсем разболталась.

– Ну что, подкинуть тебя до центра? – спросил Ося, когда они уже подходили к его «бумеру».

– Если не западло, то давай.

– Западло, но подкину. Только вот… мать твою, что за херня!

Прямо на капоте машины сидела парочка пацанов лет по восемнадцать. Еще один копался в багажнике.

Шрулик тут же инстинктивно сжал кулаки. А Ося заметно стушевался. Ведь по жизни он был не боец.

Товарищи медленно приближались к машине. Гопники не обращали на них никакого внимания. Они курили и потягивали пивко.

Ося сосчитал противников. Всего трое, и на вид довольно хилые. И на что они, интересно, рассчитывают?

– Эй, сосунки, вы че, совсем охренели? – стал перед ними во весь рост осмелевший Ося.

– Дя-дя, а ты че пришел? – спросил один из гопарей, окинув его мутным взглядом.

«Видно, под клеем» – подумал Ося. Здесь такие часто встречаются.

– Ща я тебе покажу, пидор сраный! Ну, Шрулик, давай им покажем.

Шрулик тут же попытался схватить одного из пацанов за грудки. Тот увернулся – слишком проворно для любителя клея.

И в этот момент в близстоящей заброшенной сторожке, обросшей со всех сторон кустарником и почти метровой травой, вдруг послышалось шевеление.

Ося сразу понял, что произошло. Они попали в засаду. Как самые последние лохи.

Он подумал, что надо бы попытаться договориться с этими малолетками. Предложить им бабки. Но было уже поздно.

Десяток гопников рванул в атаку. В руке у каждого из них был прут арматуры.

– Эй, чуваки, вы чего? – Ося примирительно поднял руки вверх. – Да подождите вы…

И тут же получил удар прутом по голове. Потом еще несколько. Он покачнулся и осел на асфальт.

– Дай я в глаз эту суку, чисто в глаз хочу! – прицелился один из гопарей.

И попал. Заточенный прут насквозь пробил глазное яблоко Оси и почти достиг мозга. От боли он чуть не потерял сознание. Но все еще был жив.

– Э-э, так добить надо ж этого мудака, – сказал кто-то, увидев, что Ося еще шевелится, и превратил его голову в кровавое месиво.

Тем временем Шрулик отчаянно сражался сразу с пятью гопарями. Он был бойцом куда лучшим, чем Ося. И еще со времен мореходки помнил, как нужно отбиваться от превосходящего противника. Главный принцип – не трусить и не

терять голову.

Первое время ему даже сопутствовал успех. Улучив момент и встретив одного из нападавших мощным хуком в челюсть, он ухитрился выхватить у него из рук железный дрын. И теперь угрожающе махал им перед собой.

Гопники в нерешительности остановились. Они не привыкли иметь дело с сильным – и, к тому же, вооруженным – противником.

– Ну че, шакалы, мать твою, давай по одному на разы, – подзадоривал их Шрулик. – Чисто как пацан с пацаном. А то хуля вы скопом налетели? Ну как, есть желающие?

Желающих не нашлось. В среде врага возникло замешательство. Но, разумеется, ненадолго.

Шрулик и сам понимал, что этот бой рано или поздно закончится. И конец его был предсказуемым. Слишком уж велика разница сил.

– Так, братва, на раз-два-три давайте всем скопом на него, валим и укатываем, – скомандовал вожак шакальей стаи. – Васек и Глюк, заходите сзади и лупите его по ногам.

Шрулик сосредоточился, готовясь принять последний бой в своей жизни. Просто так он им не сдастся, голыми руками его не возьмут. Но все равно через пару минут он превратится в окровавленную тушу, которую даже будет сложно потом опознать.

«Ну и хрен с ним, – подумал вдруг Шрулик. – Невелика потеря для человечества».

Ему вдруг вспомнилось лицо матери – морщинистое, сильно постаревшее. Сможет ли она пережить его смерть?

На глаза чуть было не навернулись слезы. Ему было очень обидно за то, что он так и не смог оправдать ее надежды.

– Раз… – считал вожак. – Два…

Но слова «три» так и не прозвучало.

– Э, а это еще что за явление? – удивился вожак.

Краем глаза Шрулик увидел знакомого уже бегуна. Как ни в чем не бывало, он продолжал перемещаться трусцой, взяв курс прямо на стайку гопников.

Те смотрели на него как завороженные. А мужчина спокойно обогнул изувеченный труп Оси и через пару секунд приблизился к ним уже почти вплотную. Причем все так же, трусцой.

– Э, ты че, совсем ох… – вожак сделал угрожающий жест рукой.

Договорить у него не получилось. Мощный и внезапный удар ногой в живот буквально сложил его пополам. Он рухнул на асфальт, выпустив изо рта струйку крови.

Через мгновение к нему присоединился и один из товарищей. Получив кулаком по подбородку, он взвизгнул, а после мощной добавки по переносице обхватил лицо руками и рухнул на землю.

Перехватив у него из рук кусок арматуры, бегун тут же легонько опустил его на чью-то лысую голову. В рядах противника возникла паника.

Шрулик понял, что это – шанс. И поспешил перейти в наступление. Он наносил удары направо и налево, и после каждого из них слышался чей-то крик или стон.

«Физкультурник» тоже работал не покладая рук. Не давая противнику опомниться и перехватить инициативу, он быстро находил себе жертву, бросался на нее, вырубал несколькими мощными ударами, отходил на шаг назад и следующий удар наносил уже по голове одного из контратакующих. Затем повторял эту схему снова.

Организация в рядах нападавших была крайне слабой. Судя по всему, они чувствовали себя уверенно, только имея дело с очень слабым противником.

Кому-то из гопников все же удалось убежать. Но таких было совсем не много. Все остальные уже в самом скором времени корчились на асфальте, ныли и зализывали раны. Или, наоборот, лежали без движения.

– Ладно, хватит, – вдруг как будто протрезвел от этой масакры Шрулик. – Мужики лежачих не бьют.

– Согласен, – кивнул головой незнакомец. – Но у меня к ним будет еще одно дельце.

Он вытащил из кучи тел сжавшегося в комок главаря, схватил его в охапку и поставил на ноги. Парня аж трясло от страха.

«Физкультурник» молча взглянул ему прямо в глаза. И гопник сразу понял, что самое худшее у него еще впереди. Причем просто смерть – это даже еще и не самое худшее…

– Кто заказал? – услышал он конкретный вопрос. И от неожиданности замешкался с ответом.

Удар по почкам заставил его взвизгнуть. Превозмогая боль, парень открыл рот и проскрипел:

– Какой-то кент подошел на «Домино»… Не знаю, я его раньше не видел… Первый раз, ну, слово пацана…

Гопник понял, что играть в кошки-мышки в этом случае бесполезно: этак можно только себе навредить. И поэтому выкладывал все начистоту.

– Сказал про этих двоих… ну, чисто завязку найти и замочить их потом, чтоб это как будто драка была. Бабок дал три штуки баксов, еще три сказал у них взять.

– Что за кент? – спокойным голосом поинтересовался незнакомец.

– Не знаю, слово пацана, не знаю. Не местный он, не местный… Такой, в кепочке.

– В кепочке, говоришь, – улыбнулся бегун.

Сразу после этих слов он схватил собеседника за короткие волосы и сильно приложил его головой о колено. Парень тут же обмяк. Бегун отбросил его тело на асфальт и обратился к Шрулику:

– Ну что, моряк, понял, в какую ты попал историю?

Где-то вдалеке уже послышались сирены милицейских машин. Удивительно, но кто-то все-таки вызвал стражей порядка в эти глухие места.

У Шрулика и его таинственного спасителя было всего па-

ру минут, чтобы успеть покинуть поле битвы. Спрятавшись в глубине заброшенного завода, они слышали, как милиционеры паковали чуть живых от страха гопников. Затем засвистела сирена «скорой помощи».

…Через сорок минут ящики уже перекочевали на борт небольшого рыболовного траулера, стоявшего на рейде. Человек в кепочке тут же запрыгнул в свой катер и включил мотор.

Когда моторка уже почти достигла берега, он вытащил мобильник и набрал знакомый номер.

– Фред, это Степан, – негромко сказал он. – Все нормально, но могут быть осложнения.

– Надо провести уборку, – послышалось в ответ. – То есть начисто. Начальник требует.

Глава 5

Конечно же, Слепой сильно рисковал. И он с самого начала прекрасно осознавал это.

Появиться перед опытным агентом в образе физкультурника, совершавшего позднюю пробежку, было большой глупостью. И отличной возможностью получить пулю в отчаянную голову – чисто для профилактики.

Но другого варианта у Глеба не было. До времени погрузки оставались считанные минуты. Он и без того не знал, успеет или нет. И, в итоге, так и не успел.

Информация о готовящейся погрузке небольшой партии товара поступила в органы слишком поздно. А от Москвы до Керчи – путь неблизкий. Даже если преодолеть его по воздуху.

Получив этим утром крупный заказ, Ося тут же отправился искать подельника. Жаба его душила не на шутку, и делиться такими огромными деньжищами очень не хотелось. Но он прекрасно понимал, что сам не справится. Слишком тяжелым был груз, и слишком быстро его надо было погрузить.

Первым делом, Ося отправился к Ваське Ульману – известному в Керчи барыге. Предложил ему подзаработать, искушая немыслимым гонораром за плевое дело. Ульман призадумался и… вдруг отказался.

Он понял, что дело-то плевое, но нечистое. И сразу после разговора с Осей решил связаться со своим куратором – так, на всякий случай.

Ульмана завербовали уже давно, когда он случайно попался на контрабанде в Россию украинского сала. Люди в органах сочли, что такой «свой человек» в криминальном мире Керчи им вовсе не помешает. И теперь были в курсе всех основных событий.

Как только информация о таинственной погрузке дошла до Потапчука, генерал принял решение действовать. Он уже располагал сведениями о том, что небольшая партия реактивных противотанковых гранат для одного из колумбийских наркокартелей должна быть переправлена именно по морю. И ее путь в «большой мир» начинался именно с территории Украины.

Сопоставив данные, генерал пришел к выводу, что есть смысл рискнуть.

Конечно же, в катер могли погрузить никакие не гранатометы, а обычные в таких случаях бочки спирта. И для того, чтобы избежать курьезного прокола, Потапчук решил действовать малыми силами. Именно поэтому Слепому так и не довелось досмотреть свой сон.

Выбежав на берег моря, он тут же понял, что опоздал. Где-то вдалеке от берега еще маячил тусклый прожектор катера. Но догонять его можно было даже и не пытаться.

– Блин, как же иногда не хватает в жизни всего-то пяти

минут! – удрученно промолвил про себя Слепой.

И стал раздумывать, что делать дальше. Стоит ли ему обращать внимание на встреченную по дороге к причалу парочку? Судя по всему, это были простые наемные труженики, выполнявшие роль грузчиков. И ничего ценного они не могли сообщить.

Но тут со стороны заброшенного завода раздался страшный шум, крики, звуки битвы. Слепой почти сразу понял, что произошло. И решил вмешаться. Этим он спас Шрулика от верной смерти.

Или, во всяком случае, на первый раз от нее уберег. Скорее всего, отправители груза снова попытаются до него добраться – они ведь отличаются целеустремленностью.

…Время ожидания тянулось медленно. Внутри огромного корпуса бывшего сталелитейного цеха было темно и мрачно. Слепой слышал голоса на улице. Это местная милиция занималась обычными разбирательствами.

Через час все звуки стихли. Можно было осторожно выглянуть из своего укрытия.

* * *

Зал сегодня слушал очень внимательно. Кое-кто записывал на диктофон или даже конспектировал. Только вот этот паренек на втором ряду… Он не находил себе места, неустанно вертелся, играл с мобильником, а в самый пафос-

ный момент речи вдруг чуть было не засмеялся.

Правдин окинул его пристальным взглядом. Парень поежился, но спустя пару секунд снова взялся за свое. Пожилая женщина, сидевшая на переднем ряду, что-то неодобрительно прошептала.

Выступающий выдержал небольшую паузу. Ему пора было продолжать лекцию.

– Итак, после великой победы славянского рода над китайско-еврейскими оккупантами, случившейся сорок тысяч лет назад…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.